К. И. МОРОЗОВЪ
(В. СОЛЬСКІЙ)

ТЯЖКІЕ ГОДЫ

ШТРИХИ и НАБРОСКИ

БЕРЛИНЪ
Изданіе Т-ва Кооперативное Издательство
1921

К. И. МОРОЗОВЪ
(В. СОЛЬСКІЙ)

ТЯЖКІЕ ГОДЫ

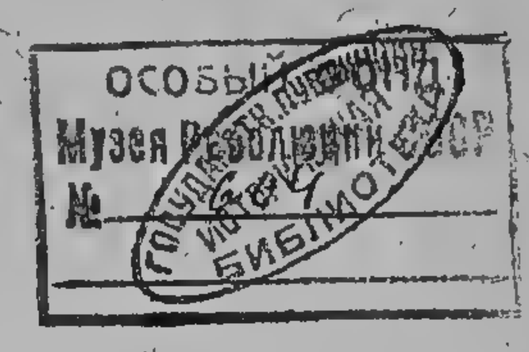
ШТРИХИ и НАБРОСКИ

БЕРЛИНЪ
Изданіе Т-ва Кооперативное Издательство
1921

ОГЛАВЛЕНІЕ:

РУССКАЯ ПЕЧАЛЬ

НАБРОСКИ

СТОЛБЫ*).

Кто не знаетъ «Столбовъ»?...

«Столбы» — Мекка. Священное мѣсто, гдѣ всякій долженъ побывать. Это — традиція, и традиція молодежи по преимуществу. Молодежь жадно мечтаетъ въ теченіе долгой зимы о «Столбахъ», о паломничествѣ къ нимъ, о томъ, чтобы забраться на ихъ вершины и посмотрѣть съ ихъ высоты на прекрасный Божій міръ.

Каждый годъ хроника происшествій пеститъ сообщеніями о несчастныхъ случаяхъ на «Столбахъ». Сорвался юноша, разбилась дѣвушка... Но это не останавливаетъ юныхъ паломниковъ, которые десятками и сотнями, съ котелками и котомками на плечахъ вереницей тянутся на «Столбы».

Съ вершинъ «Столбовъ» развертывается великолѣпная картина горнаго ландшафта. Грудь дышетъ свободно, легко. Человѣкъ чувствуетъ себя надъ міромъ, ближе къ небу и солнцу.

И никто такъ не умѣетъ цѣнить этихъ переживаній, какъ молодежь. Ни у кого нѣтъ такихъ крыльевъ, взмаховъ ими, такого желанія подняться въ высь, какъ у молодежи. И ни у

*) „Столбами" называются три горы, возвышающіяся почти перпендикулярно съ крутыми спусками. Находятся въ 8-ми верстахъ отъ гор. Красноярска, Енис. губерніи.

кого нѣтъ такихъ возможностей парить надъ міромъ, въ пространствѣ, облитомъ солнечными лучами, какъ у нея...

Въ наши черные дни, когда міръ залитъ потоками крови, милліоны человѣческихъ жизней погибаютъ и калѣчатся на поляхъ сраженій, когда бездарности умираютъ вмѣстѣ съ талантомъ, быть можетъ геніемъ, когда происходитъ обильная жатва смерти и изъ міра уходитъ высшая цѣнность жизни, лучшее ея созданіе — человѣкъ, — въ эти дни мысль невольно останавливается чаще и чаще на нашемъ будущемъ, на молодежи. И не только на молодежи, но и тѣхъ, кто будетъ ею — на дѣтяхъ.

Много понадобится силъ и энергіи, чтобы залѣчить раны стараго міра и построить новую жизнь... Не только силъ и энергіи, но и вдохновенія и энтузіазма, и творчества, и широкихъ свободныхъ взмаховъ.

Вотъ почему, молодежь, дѣти, будущее страны, такъ приковываютъ къ себѣ вниманіе: вѣдь это имъ придется взбираться на Столбы Жизни...

И, можетъ быть, безъ надежныхъ проводниковъ...

Въ міровой передрягѣ мы не заботимся о будущихъ строителяхъ жизни — дѣтяхъ. Война многихъ изъ нихъ выброситъ за бортъ нормальныхъ условій роста и воспитанія. Оторветъ дѣтей и юношей отъ привычныхъ занятій, образованія.

И это — когда цѣнность жизни, въ особенности юной жизни, неизмѣримо повышается. Когда молодые ростки и побѣги въ глохнущемъ саду требуютъ наибольшей заботливости и

ухода за собой. Когда ихъ благоуханіе должно влить силы и бодрость въ душу умирающаго безнадежно-больного современника.

Въ нашихъ заботахъ о мобилизаціи промышленности, мобилизаціи общественныхъ силъ, одною изъ главныхъ и неотложныхъ задачъ должна быть мобилизація силъ будущихъ гражданъ, строителей разрушаемой теперь жизни. Эту задачу нельзя отложить, какъ не откладывается выработка боевыхъ снарядовъ. Снаряды вырабатываются, чтобы разрушать налаженныя бытовыя и государственныя формы общежитія народовъ. Новыя поколѣнія людей нужно подготовить къ строительству новыхъ формъ общежитія, которое начнется на завтра же по окончаніи войны, которое началось уже сейчасъ, въ періодъ самой войны.

Нужно строить школы, университеты, общественныя учрежденія для воспитанія будущихъ гражданъ, завтрашнихъ строителей. Нужно слѣдить, чтобы въ великомъ морѣ крови, въ міровомъ пожарѣ, не погибли невинныя жертвы міровой сумятицы. Потому, что ихъ жизнь, будущая дѣятельность, энергія и талантъ — неизмѣримо цѣнны.

Потому, что имъ предстоитъ дорога на Столбы Жизни!

NOCTURNE.

Какая грустная весна!... Какъ будто и птицы пѣть разучились. И цвѣты распускаются скупо, пугливо. Новая жизнь, рожденная въ эту мучительно-непонятную весну, готова замереть тотчасъ по появленіи. Не слышно громкихъ голосовъ, веселыхъ беззаботныхъ пѣсенъ...

Помнишь ту, другую весну? Когда солнце такъ нѣжно-ласково улыбалось, когда каждая былинка тянулась къ нему?! Задорно журчали ручьи, торопливо разсказывая весеннія сказки. Такъ беззаботно смѣялись они, эти ручьи, такъ торопились бѣжать въ объятья многоводныхъ рѣкъ, что не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось бѣжать съ ними...

И, помнишь, мы вѣдь не выдержали, побѣжали!... Облитые солнцемъ, съ солнечными душами, съ сердцами, горящими, какъ факелъ, мы добѣжали до плавно текущей, спокойной и сонной рѣки, уныло дремавшей въ привычныхъ берегахъ. И когда она увидѣла насъ, солнечныхъ, напоеныхъ ласками весны, услышала нашъ молодой, весенній говоръ, почувствовала огонь нашихъ сердецъ... Какъ она всколыхнулась! Выступила изъ береговъ, разлилась въ безбрежное море и затопила спокойныя, сонныя долины...

Было буйно весело. Жизнь окрасилась яркими, весенними красками. Все кричало, пѣло, шумѣло. Неся къ небу великій гимнъ веснѣ...

А какъ тогда пѣли по ночамъ въ рощахъ соловьи! Они какъ будто съ ума сошли въ ту весну отъ влюбленности! И ночи были такія влажно-теплыя и волшебныя. И грезы завѣтныя нашли вдругъ свой образъ и свои слова...

* *
*

Какая грустная весна!... И люди понурились, боясь взглянуть вверхъ на солнце. И цвѣты безъ аромата. И вся природа въ мукахъ рожденія новой жизни стонетъ и сморщилась, какъ старая, старая старуха.

———

СКАЗКА СѢВЕРА.

Ты хочешь сказокъ и стиховъ,
Обвитыхъ думкою печали?...
Такъ слушай же:
Въ странѣ лѣсовъ
Мнѣ кедры сказку разсказали...
(Посвящ. С. Х. Б.—К.).

Ты пришелъ, странникъ, послушать нашъ вѣщій шумъ?... Ты хочешь знать — о чемъ мы думаемъ длинными зимними ночами, подъ пѣсни вьюги, закрытыя бѣлой пеленой снѣга?... Ты — любопытный, странникъ!...

Ты, такой маленькій, такъ мало жилъ.... Тебѣ не понять нашихъ столѣтнихъ, стародавнихъ думъ, нашихъ бесѣдъ съ мятелями, нашихъ встрѣчъ весенняго солнца....

Мы лучше разскажемъ тебѣ, — отчего нашъ богатырь, нашъ Царь-Кедръ, умеръ прошлою ночью, почему не выдержало его могучее сердце и разорвалось на части.

Ты думаешь — оно разорвалось отъ ледяныхъ объятій Мороза?... Ты, можетъ быть, подумалъ, что онъ сдѣлался слишкомъ старъ?..

Нѣтъ, странникъ, ты просто молодъ, чтобы знать настоящую причину.

Слушай.

Нашъ Царь нашъ Великій Кедръ, былъ когда-то, давно-давно, молодъ. Такъ же, какъ

и ты молодъ. И онъ смотрѣлъ на жизнь такими же радостными глазами, какъ и ты. Только у тебя глаза черные, а у него были зеленые. Понимаешь: радостные, зеленые глаза! Онъ улыбался ими каждое утро Солнцу, ихъ цѣловалъ Вѣтерокъ, ихъ ласкали и пѣли имъ птицы свои пѣсни... И всѣмъ эти глаза улыбались; радостно, довѣрчиво улыбались...

Но больше всѣхъ они улыбались Ели. Той Ели, которой давно уже нѣтъ на свѣтѣ.

А въ то время она была молода, какъ и нашъ Великій Кедръ. И она улыбалась Кедру. Только улыбки ихъ были разныя: улыбка Кедра была яркая, горячая, похожая на улыбку лѣтняго дня. А улыбка Ели — такая нѣжная, какъ улыбка Зарницы.

Росли они вмѣстѣ, почти рядомъ. Но ихъ отдѣляла зеленая лужайка и не позволяла подойти другъ къ другу, протянуть свои вѣтви для объятій.

Напрасно Великій Кедръ простиралъ свои мощныя иглы къ Ели: не могъ онъ прикоснуться къ ея тонкимъ, зеленымъ игламъ: такимъ нѣжнымъ, такимъ радостнымъ, такимъ близкимъ и далекимъ!...

И тянулся, тянулся къ Ели Кедръ. Тянулся годы, десятки лѣтъ, расширялъ свою богатырскую грудь, свои громадныя вѣтви...

Не могъ достать онъ нѣжныхъ иглъ Ели:

— Ихъ раздѣляла лужайка.

И все думалъ, все ждалъ Кедръ, что у него выростутъ такія вѣтви, которыя дойдутъ до Ели, возьмутъ ее въ свои сильныя объятія... И шепталъ объ этомъ онъ Ели. И слушала Ель этотъ шопотъ, и ждала...

Прошли десятилѣтія...

Нашъ Кедръ — былъ Великій Кедръ. Онъ былъ самый большой во всей Пармѣ. Онъ былъ самый сильный. Онъ былъ самый красивый. Онъ былъ — Великій Кедръ.

Прошли еще десятилѣтія...

Была Гроза. И убила Гроза нѣжную Ель, и разметала по Пармѣ ея кости.

Въ первый разъ тогда застоналъ Кедръ. Если бы ты слышалъ, странникъ, какъ онъ застоналъ!... Человѣкъ не можетъ услышать, не можетъ понять этого стона!... Столько муки, столько слезъ было въ этомъ стонѣ!... Вся Парма содрогнулась отъ него, сжались сердца всѣхъ кедровъ.

И сталъ нашъ Великій Кедръ стонать съ тѣхъ поръ каждую ночь. Буйно, бѣшено рыдалъ онъ. Бились въ тоскѣ другъ о друга его громадныя вѣтви. Смоляная кровь сочилась изъ его великаго сердца.

Птицы и звѣри боялись стона и гнѣва Великаго Кедра. Гулкое эхо носилось по Пармѣ, вторя скорби Великаго Кедра...

И цѣлое столѣтіе Великій Кедръ глухими осенними ночами разрывалъ свои великолѣпныя вѣтви, а теплыми лѣтними днями грустнымъ шопотомъ наполнялъ Парму. Цѣлое столѣтіе въ великихъ мукахъ умиралъ Великій Кедръ.

Но вотъ вчера его сердце не выдержало. Оно разорвалось.

И упалъ Великій Кедръ на ту самую лужайку, которая отдѣляла его отъ Ели. И въ послѣднемъ страстномъ порывѣ закрылъ онъ своими широкими вѣтвями то мѣсто, гдѣ была Ель...

И охнула вся Парма, когда услышала смерть Великаго Кедра! Заговорилъ, застоналъ весь Кедровый лѣсъ...

Потому, что Парма любила свой Великій Кедръ, мучилась его мукой, цѣлое столѣтіе вторила его скорби... Потому, что Великій Кедръ былъ гордостью Пармы...

. . . .
. . . .

Ты хочешь знать странникъ, о чемъ думаемъ мы, кедры? Хочешь понять нашъ вѣщій шумъ?

Тебѣ не понять этого, ты еще молодъ, странникъ!....

ДѢВУШКА СЪ МОРЯ.

Въ яркіе солнечные дни спокойная поверхность моря отливала тысячами красокъ. Самые дорогіе, самые рѣдкіе брилліанты покрывали голубую водяную поверхность, въ которой горѣли улыбки неба и поцѣлуи солнца. Безчисленные перлы, алмазы, рубины, жемчуги и сафиры появлялись каждое мгновеніе затѣмъ, чтобы исчезнуть и дать на другое мгновеніе жизнь цвѣтамъ, невиданнымъ на землѣ...

Она приходила къ морю съ книгой, садилась на камень, свѣсивъ въ воду босыя ноги.

Книга оставалась не раскрытой. Взоръ устремлялся въ даль, въ необъятный морской просторъ и слѣдилъ за мягкимъ и ровнымъ дыханіемъ дремлющей стихіи, пригрѣтой горячими лучами небеснаго свѣтила.

Холодныя струйки нѣжно плескались у ногъ, разсказывая, въ полудремѣ, напѣвныя были о жизни міра, о ласкахъ солнца, о тысячахъ поколѣній людей, приходившихъ повѣдать имъ, маленькимъ, безчисленнымъ капелькамъ, свои радости и горе...

Порой набѣгала волна, ударялась о камень и засыпала ее брызгами. И казалось, что эта волна хотѣла разсѣять иллюзіи, навѣянныя струйками, сказать, что цѣльной и грозной

жизни стихіи, нѣтъ дѣла до маленькихъ и лживыхъ дѣлъ сыновъ земли... Но мягкій, теплый вѣтерокъ нѣжно цѣловалъ увлажненныя волной щеки, а струйки опять успокоительно шептали свои были....

Приходила она къ морю и тогда, когда грозная стихія, съ гнѣвомъ и стономъ билась о скалы, словно готовясь захлестнуть и поглотить въ пучинѣ своей весь міръ, всѣ страданія и ничтожныя радости земли.

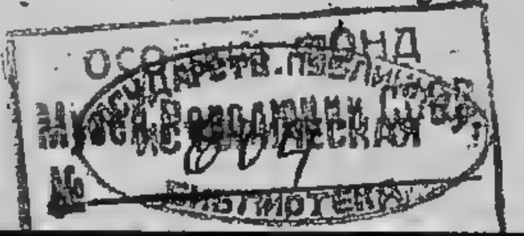
Забившись въ уголъ скалы, со страхомъ, изумленными глазами смотрѣла дѣвушка на гнѣвъ проснувшагося великана. И восторгомъ наполнялось сердце, когда въ дикихъ, буйныхъ пѣсняхъ волнъ ухо ея вдругъ улавливало призывъ къ борьбѣ.

Расширялась грудь, учащалось дыханіе, загорался взоръ, и руки простирались къ мятущейся въ буйномъ порывѣ душѣ моря...

Когда жизнь людей стала походить на разъяренную въ схваткѣ морскую стихію, волны которой захлестывали скалы, доселѣ казавшіяся неприступными, — она съ тѣмъ же восторженнымъ взоромъ вошла въ водоворотъ человѣческихъ страстей, слилась съ быстрымъ людскимъ потокомъ.

И казалось ей, что она, — маленькая капелька въ огромной бурлящей волнѣ, — стала вдругъ сильной и грозной, способной смыть всю неправду, всю ложь, вѣками облипающую человѣчество, поглотить насилье и зло, сковавшія скалистымъ берегомъ живую струю.

А въ ушахъ былъ слышенъ шумъ моря,

стонъ волнъ и призывные звуки бушующей стихіи...

Ее заперли за желѣзными рѣшетками, подъ темными сводами. Въ затхлой, душной атмосферѣ бились въ безсильной злобѣ сотни молодыхъ жизней, походившихъ на маленькія волны, придавленныя тяжелой скалой, оторванныя отъ родной стихіи...

Она смотрѣла въ окно и видѣла кусочекъ синей дали, клочекъ моря...

И посылала она къ морю свои вздохи, вела съ нимъ долгую бесѣду. Сухія губы шептали слова заговора, а море въ отвѣтъ хмурилось, тяжело вздыхало, обѣщало защитить, отомстить...

Ее оторвали отъ окна, далеко увезли, чтобы разлучить съ моремъ на вѣки.

Сидя по вечерамъ въ комнатѣ и вперивъ взоры въ безконечное бѣлое пространство, она слышала гдѣ-то, далеко-далеко, призывные звуки моря... И рвалась къ нему душа, и болѣло сердце о мятежномъ и ласковомъ другѣ.

А когда пришла весна, залепетали струйки, бѣжавшія съ горъ въ ручейки, изъ ручейковъ въ рѣки, сливаясь вмѣстѣ и весело щебеча по дорогѣ, разсказывая другъ другу свои зимніе сны, спѣша въ далекій путь, въ объятія моря, — душа затосковала смертельно.

До боли страстно захотѣлось пуститься въ путь къ морю вмѣстѣ со струйками, съ журчащими потоками воды, съ быстрымъ теченіемъ рѣки...

Но маленькія, эгоистическія капельки, радующіяся своему освобоженію отъ снѣжнаго плѣна, звонко смѣялись надъ безсильными стремленіями дѣвушки и, не оборачиваясь, бѣжали туда, куда рвалась ея душа, стремились помыслы, простирались руки...

И не выдержала тоскующая душа.

Стало ей тѣсно въ бѣдномъ измученномъ тѣлѣ... Горячая сталь пронзила мозгъ. И стало одной капелькой въ морѣ человѣческой жизни меньше...

А море, по прежнему, то ровно вздыхало, убаюканное лучами солнца, то грозно вздымалось и мстительно билось о скалы, разсказывая новую быль, принесенную струйками съ дальняго сѣвера, о молодой, погибшей жизни, о дѣвушкѣ съ моря...

РУССКАЯ ПЕЧАЛЬ.

Какъ ни прекрасно дальне море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не имъ развѣять наше горе,
Размыкать русскую печаль....

Начало іюля. Океанъ величественно прекрасенъ. Спитъ спокойно подъ лучами жаркаго іюльскаго солнца. Они цѣлуютъ его поверхность, а онъ, старикъ, счастливо улыбается своему, старому, другу-солнцу. Легкая рябь на поверхности воды напоминаетъ озаренное тысячами улыбокъ морщинистое, доброе лицо дѣдушки, ласково глядящаго на своихъ внуковъ. Въ это время океанъ не шелохнется. Нѣтъ бури-непогоды, громадныхъ волнъ, которыми проявляетъ свое возмущеніе, когда налетаютъ на него вихри-ураганы.

Большой океанскій пароходъ. Недавно я на немъ ѣхалъ изъ Англіи въ Америку, и теперь возвращаюсь обратно. Десять дней пути туда, десять обратно. Пароходъ идетъ безъ качки, спокойно, мягко скользя по водяной глади. Пароходъ удобный, морской воздухъ бодритъ, вливаетъ силы, дышется легко. За этотъ десятидневный путь можно набраться силъ и здоровья на цѣлые мѣсяцы. Публика довольна, никто не хвораетъ морской бо-

лѣзнью. По вечерамъ играетъ музыка въ концертномъ залѣ. Остальное время публика проводитъ на палубахъ, за игрой въ «гольфъ», или въ залахъ играетъ въ шахматы, карты. Пассажиры гуляютъ по палубамъ, отдыхаютъ въ удобныхъ креслахъ «слипингъ-чэзъ», кутаясь ночью въ теплые пледы.

Много ребятишекъ. Этому неугомонному народу — раздолье. Палубы широкія, безопасныя, присмотра за ребятами не нужно. Предоставленные сами себѣ, дѣти цѣлый день проводятъ на воздухѣ, придумывая разнообразныя игры. Воздухъ, свобода, отсутствіе окриковъ со стороны взрослыхъ, что нельзя дѣлать того-то, трогать этого, оказываютъ свое чудодѣйственное вліяніе на этихъ сыновъ природы: не слышно капризнаго плача, не видно измученныхъ лицъ родителей, думающихъ только о томъ, какъ бы унять своихъ «сорванцовъ». Заразительный дѣтскій смѣхъ цѣлый день раздается на палубѣ, и огрубѣвшія сердца взрослыхъ таютъ подъ теплыми лучами милаго дѣскаго стмѣха и лепета, способныхъ растопить оледѣневшую душу самаго закоренѣлаго злодѣя.

Когда вы приходите въ домъ, и въ шикарной гостинной вдругъ видите пріютившагося гдѣ-нибудь въ углу «Мишку-Медвѣдя»— игрушку, наивно пялящаго на васъ свои глупые стеклянные глаза, — вы чувствуете симпатію къ этому дому, если даже онъ принадлежитъ вашему заклятому врагу. Вы пришли, можетъ быть, для того, чтобы отказать отъ мѣста вашему служащему, наговорить дерзо-

сти вашему противнику, поселить горе и несчастье въ этомъ домѣ. Но сидячій въ смѣшной безпомощной позѣ Мишка-Медвѣдь мѣняетъ ваше настроеніе, злоба-непріязнь пропадаетъ. И вашъ визитъ принимаетъ вдругъ, неожиданно для васъ, другое направленіе. Вы встрѣчаете съ милой улыбкой хозяина, говорите ему совсѣмъ не то, что хотѣли: злыя, нехорошія слова не сходятъ съ вашего языка и, смущенный, вы удаляетесь, не понимая, — что измѣнило ваши намѣренія. А вы просто за этимъ Мишкой-Медвѣдемъ почуяли гдѣ-то, здѣсь, недалеко, дѣтскую улыбку, незлобивую и непосредственную душу этихъ маговъ-волшебниковъ, и ваша грѣшная душа просвѣтлѣла отъ одного намека на витающій въ домѣ дѣтскій смѣхъ...

Идешь ночью по палубѣ парохода, погруженный въ мрачныя мизантропическія мысли, оторванный отъ всего міра, одинъ въ безбрежномъ океанѣ. Кажется, что жизнь осталась далеко, позади, и ужъ больше не увидишь ни людей, ни городовъ, ни самой жизни, Вдругъ натыкаешься на нелѣпо прислоненнаго къ борту въ уголкѣ, деревяннаго конька со спутанной гривой и закрашенной фуксиномъ пастью. Онъ цѣлый день возилъ на себѣ трехъ-четырехъ лѣтняго возраста мальчугана, теперь «усталъ» и «отдыхаетъ». И сразу что-то теплое, ласковое, подходитъ къ сердцу: чувствуется ровное дыханіе спящаго вблизи малютки и вы вдругъ готовы обнять всѣхъ людей, и друзей и враговъ. И нѣтъ уже оторванности отъ міра, отдѣленнаго гро-

маднымъ океаномъ. Вы чувствуете, какъ вмѣстѣ съ этимъ теплымъ, ровнымъ дыханіемъ малютки, здѣсь, вблизи васъ, живетъ все человѣчество, какъ оно прекрасно въ своемъ всегдашнемъ стремленіи идти навстрѣчу дѣтской улыбкѣ и дѣлаться лучше, благороднѣе, чище подъ ея вліяніемъ!..

Пароходный ресторанъ перваго класса роскошно обставленъ. Рѣзныя и лѣпныя стѣны и потолки отдѣланы подъ дубъ, прекрасной художественной работы, въ стилѣ Возрожденія. Столы покрыты всегда свѣжими, бѣлоснѣжными, лучшими ирландскими скатертями. Блеститъ хрусталь, серебро, бронзовые тяжелые канделябры, разставленные по столамъ. На всѣхъ столахъ—живые цвѣты. «Стюарты»—служащіе въ приличныхъ черныхъ фракахъ, безукоризненномъ бѣльѣ, — быстро и безшумно мѣняютъ блюда. Нарядная, сытая публика не торопясь прожевываетъ свои «лэнчи» и «диннеры», запиваетъ барзакомъ или другимъ тонкимъ виномъ. Какъ вездѣ, на океанскихъ и морскихъ пароходахъ — пища обильная. Повара хорошіе, блюда тонкія. Во время завтрака и обѣда играетъ оркестръ музыки.

Кажется, что вся жизнь на землѣ — сытость, довольство, здоровье и только пріятное времяпрепровожденіе...

Но зачѣмъ это музыка играетъ во время этого прекраснаго завтрака такую странную вещь?

Что это?..

Ахъ, это «Разбитая Мелодія»!.. Всякій разъ, когда ее слышишь, что-то щемитъ въ

душѣ... Какой-то тихій надорванный стонъ чудится... Гдѣ я его слышалъ?!..

...Вдругъ прекрасный пуддингъ, поданный въ завершеніе легкаго завтрака изъ курицы и зелени, всталъ поперекъ горла... Никакъ нельзя его проглотить... Къ горлу подступили спазмы, начинаютъ душить, и надо бѣжать скорѣе изъ этого роскошнаго ресторана, чтобы не разрыдаться на глазахъ счастливой, сытой и довольной, нарядной публики.

Этотъ тихій-тихій стонъ въ «Разбитой Мелодіи»... Это легкое дѣтское всхлипываніе, ему вторящее...

Вѣдь это стонетъ, глухо, тяжело, въ предсмертныхъ мукахъ голода моя сестра Таня! Это всхлипываетъ ея дочка, Леночка! Маленькое, истощенное дѣтское тѣльце; впалые, не-дѣтски глубокіе, страдающіе голубые глазки...

Въ мукахъ голода! Въ мукахъ голода!..

Тамъ, далеко, въ Петроградѣ, мучаются, медленно умираютъ эти близкіе, родные, однокровные.

Таня служитъ на почтѣ. Ея больные глаза еще раньше, въ лучшіе времена, начали болѣть все больше и больше. Одъ дневной, вечерней, ночной работы на почтѣ, они слѣпнутъ. Слѣпнутъ и отъ увеличивающагося голода... Но имъ нельзя совсѣмъ ослѣпнуть: — есть маленькая Леночка, которой нужны мамины глазки...

У Леночки нѣтъ папы.

Не слѣпни, мамочка!..

Но голодъ!.. Второй годъ голода. Все меньше и меньше хлѣба — одна восьмушка фунта въ недѣлю. Нѣтъ совсѣмъ мяса. Нѣтъ рыбы. Одна картофелина въ день. Мама ѣстъ только картофельную шелуху, а Леночка бережно собираетъ всѣ крошки отъ этой драгоцѣнной картофелины. Леночка привыкла къ голоду. Только очень болитъ животикъ и головка.. Животикъ сталъ такой толстый-толстый; это отъ воды... Если нечего кушать можно пить воду: легче... И ходить трудно — ножки не слушаютъ, часто приходится падать... Лежать легче...

Еще годъ назадъ, Леночка уже знала, что такое голодъ. Но тогда пили чай съ лепешкими изъ картофельной шелухи, тогда давали еще сахаръ. Маленькій кусочекъ сахару на цѣлую недѣлю. И Леночка знала, что этотъ кусочекъ съѣсть сразу нельзя, а надо расколоть щипцами на мелкіе-мелкіе крошечки, и одну такую кршечку можно положить въ ротъ, и выпить съ ней цѣлую чашку чаю. Правда, совсѣмъ не сладко!.. но все-таки тогда въ прошломъ году чай пили съ сахаромъ...

— Мамочка, ты не плачь!.. Опять чай съ сахаромъ будемъ пить!.. Дядя пріѣдетъ опять, привезетъ хлѣбца изъ Сибири!..

— Пріѣдетъ, пріѣдетъ, доченька родная! Потерпимъ еще немножко!..

А сама думаетъ:

— Никто уже теперь не пріѣдетъ!.. Всѣ бросили, оставили. Одна смерть придетъ скоро. Охъ, скорѣй бы, скорѣй!... Только ужъ пусть сама первая умру: не видѣть, какъ Ле-

ночка умирать будетъ!.. Силы нѣтъ, мука смертная!.. Господи, чего бы поѣсть?!..

— Мама, милая, поѣдемъ къ дѣдушкѣ!.. Можетъ быть онъ опять картошки дастъ...

— Нѣтъ, доченька, теперь у дѣдушки картошечки... Умираетъ нашъ дѣдушка отъ голода самъ...

Дѣдушка — Леночкинъ. А мой и Танинъ — отецъ. Въ маленькой, нетопленной и нечищенной комнатѣ на Обводномъ Каналѣ, умираетъ отъ голоду. Оглохшій, ревматикъ, слѣпнущій, тупо глядитъ старикъ въ мутное пространство Обводнаго Канала и думаетъ... только о хлѣбѣ! О маленькомъ - маленькомъ кусочкѣ хлѣба...

Если бы два!.. Одинъ можно было бы послать своей маленькой милой внучкѣ, а отъ другого можно еще какъ нибудь выкроить частицу даже Танѣ... Ужъ самъ — чего: все равно помирать!.. А тамъ дитя малое мучается, душа безгрѣшная за наши грѣхи пропадаетъ!.. А, можетъ быть, еще бы, крошечка отъ этого куска осталась — можно и Наденькѣ тогда дать: тоже вѣдь дочка... Она хотя безъ ребятъ, да вѣдь молодая, ѣсть хочется больше другихъ...

И сидитъ этотъ старый умирающій мой отецъ и смотритъ своими мутными глазами въ Обводный Каналъ, и дѣлитъ этотъ желанный кусочекъ между своими дочками и внучкой... Вѣдь мечтаетъ онъ всего на всего о какой-нибудь четверти фунта хлѣба!.. О большемъ онъ не смѣетъ думать...

А тамъ, недалеко отъ Питера, живетъ еще мать и Надя... Можетъ быть у матери остался огородъ, и что нибудь соберетъ. А можетъ быть на этомъ году сѣять было нечего: отобрали послѣднюю картошку, которой она запасалась въ прошломъ году. И если нѣтъ огорода, нѣтъ картошки — и мать и Надя умираютъ въ мукахъ голода!..

Кто-то гдѣ-то сказалъ, что страданія взрослыхъ ужасны, но нѣтъ большей муки, какъ смотрѣть на страданія дѣтей, этихъ невинныхъ свѣточей жизни, этихъ наивныхъ праведниковъ, изъ-за которыхъ Богъ, подобно Содомму и Гоморрѣ не наказываетъ нашу землю разрушеніемъ за грѣхи взрослыхъ!..

— Леночка!.. Родная моя, бѣдная, страдающая дѣтка!.. дядя не можетъ пріѣхать...

Боже мой!.. Какая же ужасная это мука!.. Знать, что эти родные, кровные, медленно чахнутъ, пухнутъ отъ голоду, ослабѣваютъ съ каждой минутой, никнутъ къ землѣ и не могутъ встать... Знать!.. И ничѣмъ не помочь!... Ѣхать спокойно на комфортабельномъ пароходѣ въ первомъ классѣ, ѣсть диннеры и лэнчи, слушать музыку!... — Проклятое солнце, проклятый океанъ, проклятый міръ, люди!.. Все лжетъ!... Нѣтъ счастья, нѣтъ радости на землѣ, нѣтъ правды!...

Тамъ... Леночка умираетъ...

СЧАСТЬЕ.

Почти цѣлый день мы провели въ рубкѣ парохода, споря на вѣчно юную и вѣчно старую тему о счастьѣ. Лилъ дождь. На палубу никто не выходилъ. И все небольшое количество пассажировъ, человѣкъ пять, съ увеличенiемъ предавалось самымъ фантастическимъ изысканiемъ въ области психологiи. Приходилось много доводовъ и «отъ науки», и «отъ жизни» — за и противъ существованiя счастья. Въ концѣ-концовъ отъ общаго, абстрактнаго понятiя о счастьѣ, перешли къ вопросу о счастьѣ личномъ, интимномъ, до котораго другимъ дѣла нѣтъ, которое доступно и понятно только человѣку, его переживающему...

Когда разговоръ перешелъ въ эту плоскость, заговорилъ вдругъ съ нами ѣхавшiй инженеръ, до этого времени не проронившiй ни слова и державшiйся особнякомъ.

— Позвольте, господа, — началъ онъ, — разсказать вамъ два эпизода, которые близко относятся къ вашей темѣ...

— Нужно вамъ замѣтить, что по роду моей дѣятельности, мнѣ приходится большую часть года проводить въ поѣздкахъ... Бываешь въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ, медвѣжьихъ углахъ. Тысячи верстъ проѣз-

ѣжаю я на лошадяхъ, во всякую погоду, и зимой, и лѣтомъ, и въ холодъ и въ ненастье...

По правдѣ сказать, эти поѣздки я люблю: бродяга по натурѣ, человѣкъ одинокій, ни съ кѣмъ и ничѣмъ не связанный. Когда выѣзжаю изъ одного мѣста въ другое, — ничего завѣтнаго не оставляю. И въ концѣ-концовъ, всѣ эти безконечныя скитанья, безконечное разнообразіе природы, разные мѣста и люди, — больше по душѣ, нежели сидѣнье на одномъ мѣстѣ, въ покоѣ и такъ называемомъ уютѣ...

— Но иногда чувствуется и не по себѣ. Въ особенности, когда ѣдешь десятки верстъ по грязной дорогѣ, подъ проливнымъ дождемъ... Начинаешь поневолѣ сравнивать свое положеніе съ собачьимъ...

— И вотъ, однажды, въ такомъ« собачьемъ» настроеніи, останавливаюсь на ночлегъ у ямщика. Вымокъ, продрогъ, зубъ на зубъ не попадаетъ. Перемѣнилъ бѣлье, развѣсилъ для сушки мокрую одежду. Сижу въ «чистой половинѣ» и пью чай. На столѣ — одинъ стаканъ, и въ комнатѣ я тоже одинъ... И, знаете, вдругъ какъ-то особенно сильно почувствовалось одиночество... Такая появилась потребность въ человѣческомъ обществѣ... нѣтъ, не просто въ обществѣ людей, а въ обществѣ близкаго, близкаго человѣка!.. Стало такъ грустно, что я едва не разрыдался!..

Голосъ разсказчика дрогнулъ. Онъ замолчалъ на минуту, потомъ оправившись, продолжалъ:

— Вдругъ слышу за стѣной разговоръ.

Первымъ заговорилъ ребенокъ, видимо мальчикъ, лѣтъ трехъ-четырехъ.

— Дѣдушка!.. Пріѣхалъ, дѣдушка?!. Крендель, дѣдушка, дай!..

Вторымъ заговорилъ мой ямщикъ, старикъ, всю дорогу упрямо молчавшій и показавшійся мнѣ очень жестокимъ и суровымъ.

— Пріѣхалъ, голубка моя!.. И креньдель привезъ!..

Слышно было, какъ дѣдъ, кряхтя, легъ на полъ, на которомъ видимо до того спалъ внукъ.

— За пазушкой крендель, дѣдушка?..

— За пазушкой, жаворончекъ, за пазушкой... Добывай самъ!..

Я пріоткрылъ дверь, и такъ, чтобы меня не замѣтили, заглянулъ въ смежную комнату. На полу, развалившись, лежалъ старикъ, съ тою улыбкой, которую называютъ «блаженной», а внучекъ влѣзъ уже на дѣда верхомъ и шарилъ за пазухой крендель.

— Нашелъ, дѣдушка!...

— Ѣшь, голубокъ, жавороночекъ мой малекькій, ѣшь!.. Всю дорогу берегъ твой крендель; боялся — дождикъ промочитъ! — приговаривалъ старикъ, лаская внука.

Ребенокъ началъ возню съ дѣдомъ. Дѣдъ заливался радостнымъ старческимъ смѣхомъ, шевелилъ костлявой рукой бѣленькіе кудряшки мальчика, — гавкалъ на него по сабачьи, легонько сбрасывалъ съ себя и въ шутку сердился, когда мальчикъ, понимая шутку и стараясь подражать дѣду, тоже говорилъ «авъ, авъ» и упорно лѣзъ на грудь, вцѣплялся въ бороду, заливался безудержнымъ дѣтскимъ смѣхомъ...

— А вотъ, не уйду, задавлю дѣдушку!.. Не уйду!.. — кричалъ ребенокъ, а дѣдъ топорщилъ руки, какъ бы приготовляясь сбросить съ себя малыша...

Долго еще возился на полу старикъ съ ребенкомъ, пока тотъ не прикурнулъ къ его сѣдой бородѣ и не заснулъ.

Баюкая его, старикъ все время шепталъ:

— Спи, мое солнышко, внучекъ мой махонькій, дѣтонька ненаглядная!.. Спи, голубонька, жавороночекъ!..

... Я рѣдко кому завидую... Но, знаете, господа, въ тотъ моментъ я такъ завидовалъ старику, такимъ полнымъ показалось мнѣ его счастье, что, повѣрите, когда сравнилъ еще разъ себя съ «бездомной собакой», хотѣлъ стрѣляться!..

Всѣ нѣсколько испуганно посмотрѣли на говорившаго. Онъ понялъ и шутливо замѣтилъ:

— Не пугайтесь, однако! Видите, этого не произошло: иначе я не разговаривалъ бы съ вами....

— Судьба меня вскорѣ вознаградила. Не дальше, какъ минувшей зимой, ѣду я по станкамъ напролетъ, т. е. день и ночь, мѣняя лишь лошадей. До города, въ который я спѣшилъ, осталось еще верстъ двѣсти. Кони у ямщиковъ добрые... Ночи лунныя, морозецъ трещитъ, кошевка подпрыгиваетъ, шаркуны и колокольцы весело заливаются... Любо въ такія ночи ѣхать!.. Пѣть хочется, смѣяться, болтать, подѣлиться съ кѣмъ нибудь этимъ особеннымъ радостнымъ чувствомъ, которое всегда бываетъ отъ единенія съ природой!..

Заѣзжаю къ ямщику перемѣнить лошадей. Не раздѣваясь, захожу въ комнату обогрѣться. Сидитъ тамъ еще пасажирка, тоже, видимо лошадей дожидается. Особа лѣтъ тридцати, черты немного расплывшіяся, но лицо интеллигентное, нѣсколько измученное.

Разговорились. Оказалось, что ѣдемъ въ одно мѣсто. Рѣшили поѣхать вмѣстѣ — выгоднѣе, и веселѣе. Изъ разговора выяснилось, что ѣдетъ она по этимъ мѣстамъ въ первый разъ. Ямщики пользуются ея незнаніемъ «порядковъ», берутъ въ два-дорога и за проѣздъ, и за продукты: за стаканъ молока четвертакъ просятъ! А денегъ-то, видимо, у нея только-только на проѣздъ. И по платью, и по багажу можно заключить что особа не богатая. Обрадовалась, что можно поѣхать со спутникомъ, знающимъ эти самые дорожные «Порядки».

Выѣхали. Опять запѣли шаркуны съ колокольцами. Луна во всѣ лопатки жаритъ, морозецъ слегка пощипываетъ, плывутъ бѣлыя степи, перелѣсокъ, овражки... Опять меня радостное настроеніе охватило, захотѣлось подѣлиться съ живымъ человѣкомъ... Знаете, въ такія минуты каждый человѣкъ кажется тебѣ близкимъ, и роднымъ!.. Я и пѣлъ, и стихи декламировалъ, и разсказывалъ что-то веселое, отъ чего моя спутница отъ души хохотала. Создалось такое настроеніе, которое всегда доводитъ до интимныхъ разговоровъ...

— А вы знаете, съ кѣмъ ѣдете? — неожиданно задала мнѣ вопросъ сосѣдка.

— Не все-ли равно!.. Съ человѣкомъ. И, кажется, хорошимъ. А остальное не важно!..

— Нѣтъ, — важно! Можетъ быть, узнаете, такъ и до станка меня не довезете, въ степи бросите!.. Я каторжанка! Недавно каторгу окончила, жила на поселенiи и теперь, въ другое мѣсто, на поселенiе же ѣду...

И она разсказывала свою обыкновенную исторiю, которую я мысленно дополнялъ своими прилагательными. Была юной еще дѣвушкой, энтузiасткой, той дѣвушкой, которая дерзнула перешагнутъ Тургеневскiй «Порогъ». По дѣлу военной организацiи ее судили, сослали на каторгу, гдѣ пробыла шесть лучшихъ лѣтъ своей жизни. Годъ жила близъ каторги, на поселенiи, потомъ выхлопотала право перемѣнить мѣсто ссылки: изъ одного гиблаго мѣста перебраться въ другое, хоть и такое же гиблое, да только новое. И теперь ѣдетъ она одна, безъ конвоя, по проходному билету, въ первый разъ еще за семь лѣтъ неволи чувствуя себя на свободѣ, безъ «глазка»...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, во мнѣ смѣнялись разныя чувства: и жалость, и благоговѣнiе передъ этимъ подвигомъ, душу живую не убившимъ, и радость за ея радость, и радость за себя, что мнѣ, какъ я видѣлъ, удалось доставить ей нѣсколько веселыхъ мгновенiй, въ которыя забывалось мрачное прошлое... Я не сумѣю, господа, передать вамъ эти переживанiя... Но мнѣ такъ хотѣлось сдѣлать для этой дѣвушки что-то такое, что согрѣло бы ея изстрадавшуюся въ ужасахъ каторги душу!.. И я не зналъ: что же именно мнѣ должно сдѣлать?..

Вскорѣ моя спутница заснула. Я окуталъ ее одѣяломъ, поудобнѣе расположилъ въ кошевкѣ, самъ прижавшись въ уголъ. Она спала,

довѣрчиво прижавшись ко мнѣ, пригрѣтая сосѣдствомъ живого существа... И сознанiе этой довѣрчивости, и то, что я могъ дать ей послѣ страданiй, холода и голода, хотя немного тепла и возможнаго въ дорогѣ удобства, наполнило меня такимъ радостнымъ чувствомъ, какого я никогда еще не испытывалъ. Мнѣ было даже прiятно ощущенiе подмерзанiя моей ноги, съ которой я снялъ одѣяло, чтобы прикрыть имъ свою спутницу. Прiятно и самое неудобное положенiе моего тѣла въ кошевкѣ, отъ чего было больно рукѣ и въ боку...

— Я былъ опьяненъ только отъ одного сознанiя, что эта бѣдная, измученная головка, такъ довѣрчиво приняла мою ласку и спала сномъ отдыха, прижавшись ко мнѣ!.. Я дѣйствительно ласкалъ въ ту минуту головку моей спутницы, какъ ласкалъ тогда дѣдъ своего внука...

— И я былъ счастливъ, господа! Ни до, ни послѣ этого я не испытывалъ еще разъ этого ощущенiя, которое иначе не могу назвать, какъ счастье... И всю дорогу, до самого города, не покидало меня это особенное, радостное настроенiе, когда приходилось изобрѣтать самыя разнообразныя комбинацiи, чтобы только доставить возможно больше удобствъ и веселыхъ минутъ моей спутницѣ. И особенно прiятнымъ было сознанiе, что въ нашихъ отношенiяхъ совершенно отсутствуетъ тотъ элементъ, который обычно въ отношенiяхъ между мужчиной и женщинойноситъ специфическiй характеръ... Я, конечно, не могъ полюбить этой дѣвушки, просто потому, что были мы вмѣстѣ какiя-ни-

будь сутки. Но въ это время она была для меня самымъ близкимъ существомъ на свѣтѣ...

Когда я анализировалъ это ощущенiе «счастья» впослѣдствiи, то пришелъ къ выводу, что былъ счастливъ просто потому, что сумѣлъ привести хоть немного бодрыхъ, радостныхъ чувствъ въ настроенiе того человѣка, которому это было нужнѣе всѣхъ, который имѣлъ больше другихъ правъ на улыбки жизни, а видѣлъ только ужасныя ея гримасы...

— Можетъ быть это называется какъ нибудь иначе, а не счастьемъ? Не знаю, господа!.. Но другого мнѣ испытать не пришлось...

Пароходъ подошелъ къ пристани, на который сходилъ инженеръ, для того, чтобы пересѣсть на лошадей и ѣхать дальше.

Мы пожелали ему «счастливаго» пути...

ВОЙНА
ШТРИХИ

ЖАЖДА ПОДВИГА.

Каждый день столичныя газеты приносятъ извѣстія о дѣтяхъ, бѣгущихъ на войну. Встрѣчаются такія извѣстія и въ мѣстныхъ газетахъ.

Бѣгутъ гимназисты, реалисты, гимназистки. Мальчики и дѣвочки-подростки.

Бѣгутъ на поля сраженій, которыя окружены въ ихъ представленіи ореоломъ героизма, подвижничества, славы. Мечтаютъ о славныхъ подвигахъ, героическихъ побѣдахъ въ« жаркой сѣчи», объ уходѣ за ранеными, помощи умирающимъ. Мечтаютъ... не будучи еще въ силахъ произвести простыхъ ружейныхъ пріемовъ, не зная, какъ перевязывается бинтомъ палецъ!..

Они не знаютъ, что на войнѣ будутъ лишними, ненужными, помѣхой. Съ малыми еще силами, имъ рано браться за большое дѣло. И обычно, не дойдя до войны, эти школьники перехватываются гдѣ-нибудь на первой же желѣзно-дорожной станціи и водворяются «на попеченіе родителей».

Наступаютъ минуты тяжелаго разочарованія. Цѣлыя драмы совершаются въ юныхъ сердцахъ.

Мы не замѣчаемъ этого. Не видимъ, что у «водвореннаго по мѣсту жительства» подростка разбиты лучшія мечты и стремленія, разрушенъ его первый, хрупкій, нѣжный идеалъ...

Мы, взрослые, уже пожившіе, «видавшіе виды», покусанные жизнью, не можемъ съ такой святой и наивной искренностью построить кристально-чистый идеалъ подвига, на который

способно еще не оформившееся, не вылившееся, въ опредѣленно-стройное міровоззрѣніе, но полное неподдѣльнаго энтузіазма, полудѣтское мышленіе.

Мы, извѣрившіеся, не можемъ такъ слѣпо вѣрить тому, во что безъ колебаній и сомнѣній вѣритъ просыпающаяся къ жизни душа юноши.

Прежде, чѣмъ пойти на подвигъ, мы ощупываемъ его холодными щупальцами опыта и сомнѣній. Они — идутъ беззавѣтно, не разсуждая. Если у насъ случается порывъ, то онъ долженъ имѣть «основанія». Они — воплощеніе самого порыва. Для насъ лозунги: за братьевъ, за родину, за свободу!» — должны имѣть свое особое, внутреннее положительное содержаніе. Для нихъ — эти лозунги буквальные, не разбавленные еще ядомъ противорѣчій...

И такъ хорошъ, чистъ, великъ юношескій энтузіазмъ, такъ заразительна непосредственность искренность порыва, что больно дѣлается, когда видишь этотъ порывъ придушеннымъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью!

«Водворенные по мѣсту жительства» юные энтузіасты плачутъ гдѣ-то въ углу, спрятавшись отъ всѣхъ, горькими слезами стыда за неудачу, за растоптанный первый идеалъ молодости, за грубую насмѣшку жизни надъ самыми нѣжными, самыми завѣтными мечтами... Врядъ ли мы съ вами «взрослый» читатель, сумѣемъ плакать этими слезами!...

Тяжело заглянуть въ душу такого подростка: въ ней можетъ совершаться драма, для насъ даже непонятная по тяжести переживаній...

Но... милые юноши! Не плачьте такъ горько надъ грубо смятымъ первымъ цвѣткомъ, распустившимся въ вашей юной душѣ.

Вамъ правду говорятъ, что вы только немного не доросли, чтобы идти на войну. Правду говорятъ, что сейчасъ — вы лишніе на войнѣ. Для васъ есть дѣло поважнѣе, которое потребуетъ больше подвиговъ, больше энергіи, энтузіазма, и великихъ порывовъ.

Война кончится. И на обломкахъ поломанной войной жизни начнется огромная работа созиданія. Потребуется огромный запасъ энергіи, примѣненія молодыхъ, нерастраченныхъ силъ. Нуженъ будетъ и энтузіазмъ, и порывъ, и самопожертвованіе, и подвиги, подвиги безъ конца, чтобы творить новую жизнь!

И въ этотъ моментъ вы будете нужнѣе всѣхъ. Отъ васъ настойчивѣе, чѣмъ отъ другихъ, жизнь потребуетъ жертвъ искупительныхъ. Вы, больше, чѣмъ кто бы то ни ни было, сможете отдать самихъ себя, цѣликомъ, безъ остатка, для дѣла творчества жизни.

И въ это время у васъ выростутъ настоящія крылья. Сейчасъ вамъ только кажется, что они уже есть. Это — самообманъ. Они только нарождаются. Вы чувствуете пока просто зудъ отъ роста ихъ, какой бываетъ у ребенка на деснахъ, когда у него прорѣзываются первые зубы... Скоро, скоро наступитъ время, когда вы сможете по настоящему почувствовать крылья, взмахнуть ими и полетѣть для строительства новой, прекрасной жизни, лучшей нежели та, которую живемъ мы...

... Мы, — взрослые люди, — съ разбитыми крыльями!..

ВЪ БРЕДУ.

... Боже мой, какая ужасная боль!.. Какъ нестерпимо жжетъ въ груди!.. Легче всего, кажется, въ рукѣ, боли нѣтъ. Но руки не чувствуется. А нога отчаянно ноетъ... Проклятая шрапнель: она рветъ тѣло на куски, впивается, точно раскаленными гвоздями и жжетъ!.. Можетъ быть это — маленькія царапины, ссадины? Нельзя повернуть голову, посмотрѣть... о — ой!..

... А вѣдь Володю-то Кренева, кажется, убили. Ну — да, конечно убили.

Видѣлъ, какъ его вытащили санитары. Еще спросилъ у нихъ — раненъ или убитъ? Помню, какъ крикнулъ одинъ: «убитъ!»... А потомъ... эта шрапнель!...

... Въ Володѣ убитъ замѣчательный человѣкъ. На сходкахъ въ университетѣ лучше его не было оратора. И писалъ онъ огненнымъ языкомъ... Голова свѣтлая, душа большая, безпредѣльная... Если бы не Володя, пожалуй, и я не пошелъ бы на войну... Нѣтъ, пошелъ бы, все равно... Нельзя было не идти!..

... Адская боль!.. о-о!..

. . . .

... Мама! Хорошо, что пришла!... Ты не сердись... Я знаю, ты плакала... По глазамъ вижу!.. Но, видишь, мама, никакъ нельзя было

не идти. Учиться я уже не могъ... Ты знаешь — я всегда былъ противъ войны... Но когда туда пошли всѣ молодые, сильные, здоровые... Биться и умирать... Я не могъ!.. Понимаешь, не могъ ходить въ университетъ, учиться, слушать лекціи. Не спалъ цѣлыми недѣлями. Я все равно сошелъ бы съ ума!.. А когда пошелъ на позиціи—стало такъ спокойно, хорошо на душѣ... Это потому, что, если кругомъ мучаются и умираютъ, то нужно быть вмѣстѣ со всѣми и тоже мучиться. Тогда не бываетъ этого безпокойства, стыда за свое здоровье, за хорошій аппетитъ... Понимаешь?.. Ты вѣдь умная, мама, должна это понять!..

... Мамочка!.. Спой пѣсню «полетѣлъ орелъ домой»... Помнишь, какъ ты мнѣ пѣла ее въ тотъ вечеръ, когда я вернулся изъ тюрьмы? Ты сидѣла у піанино, аккомпанировала и пѣла. Ты уже старушка, но у тебя такой еще хорошій, чудный контральто!..

... А зачѣмъ, мама, у тебя на груди бѣлый передникъ и красный крестъ?.. Ахъ, да — ты вѣдь тоже пошла на войну сестрой милосердія!

Это хорошо, мама: ты такая ласковая, нѣжная... Ты съумѣешь ухаживать за ранеными...

... Сестрица, дайте воды!.. Нѣтъ, нѣтъ, не трогайте!.. Ой, больно!..

. . . .

... Правда не въ этомъ, Володя.

Не всегда нужно дѣйствовать отъ разсудка. Разсудочно я понимаю, что необходима экономія силъ, надо беречь себя для большаго, для органической работы. Но вѣдь это стихія... Понимаешь — она захватываетъ, уноситъ съ

собой... Нельзя остаться въ сторонѣ!... Что?..

Цѣлесознательная личность должна противодѣйствовать слѣпому стихійному давленію? Да, да, это вѣрно. Но не могу, не могу!.. Если я не пойду туда умирать вмѣстѣ съ ними, — я не выдержу! Сойду съ ума или застрѣлюсь! Пойми, что невыносимо, невозможно оставаться въ сторонѣ и чего-то ждать, спокойно, разсудочно!.. Пускай это — слѣпая стихія. Но она неудержимо, властно захватываетъ. Отъ нея не уйдешь!.. Можетъ быть это оттого, что я серединный человѣкъ, съ больными нервами...

. . . .

... Холодно!.. Какой холодный столъ!.. Значитъ, сейчасъ будетъ операція?.. Докторъ, вы будете ампутировать руку или — ногу?..

. . . .

... Вы говорите, что въ госпиталѣ устраиваютъ елку?.. Это хорошо!.. Мама! Ты самую верхушку срѣжь. Мы поставимъ туда звѣзду. Елка будетъ нарядная... Странно: я реферирую Конта и Маркса, а елкой увлекаюсь, какъ маленькій. Это все оттого, что впечатлѣнія дѣтства самыя сильныя... И ты, мама, сама, я вѣдь вижу, тоже, какъ ребенокъ, увлечена этой елкой...

... Теперь спойте, ребята, хорошенько еще разокъ. «Ахъ, попалась, птичка стой!». Да и елку начнемъ разорять! Жалко ее разорять: нарядная она, веселая, смѣется, улыбается. Это она вамъ, ребятки, улыбается. Слышитъ какъ вы поете, и ей весело!.. Ишь, какая она свѣтлая: скоро свѣчи догорятъ, а — имъ не хочется!

Свѣтло, хорошо!.. Пока не догорѣли, пойте, пойте живѣй!..

. . . .

Ну, Корниловъ, поклоны всѣ написаны. Чего еще писать?.. Нѣтъ, про «это» нельзя: письмо не дойдетъ тогда! Напишемъ, лучше, какое впечатлѣніе на тебя произвела Германія, когда за границу перешли. Ладно? Ну, диктуй, а я слово-въ-слово писать буду...

. . . .

... Ты самъ себѣ противорѣчишь, Володя! Ты недавно еще говорилъ, что линія исторіи человѣчества и линія исторіи одного человѣка — не параллельны... Переживанія личности далеко не всегда совпадаютъ съ дѣйствительными потребностями момента... Въ одинъ моментъ жизнь личности можетъ вплестись въ общее кружево жизни однимъ узоромъ, въ другой моментъ — узоръ будетъ инымъ... Вѣдь для того, чтобы найти свое мѣсто въ жизни, не всегда можно добраться до него путемъ логики... Чувство, сложныя эмоціональныя переживанія, часто отвлекаютъ совсѣмъ въ сторону отъ дѣйствительной потребности момента... Кто можетъ — будетъ съ этимъ бороться. Но такая борьба все равно для отдѣльной личности обречена на неудачу...

. . . .

... Отчего не даютъ пить?!! Сестрица... О-о-о!..

ВЪ ВАГОНѢ.

Посадка только что началась, но уже въ вагонѣ третьяго класса тѣснота отчаянная. Люди сидятъ буквально чуть не на головахъ другъ друга. Воздухъ спертый, тяжелый! Пахнетъ человѣческимъ потомъ, дегтемъ, овчиной, — смѣсь запаховъ, въ букетѣ именуемыхъ «русскій духъ». Отъ этого «русскаго духа» сразу начинаетъ болѣть голова, воздуху не хватаетъ.

Полвагона наполнена солдатами, большинство которыхъ больные, только-что вышедшіе изъ больницъ и разѣзжающіеся по домамъ. Публика еще не укрѣпилась на своихъ позиціяхъ — на всѣхъ трехъ полкахъ, и перегиваются, отбивая мѣста.

Во второй полкѣ одиноко лежитъ чей-то саквояжикъ. Безмѣстная публика бросаетъ туда завистливые взоры, находя, что для саквояжа отведено черезчуръ роскошное мѣсто. Но за этимъ саквояжемъ чувствуется его владѣлецъ, который заблаговременно «занялъ» мѣсто. Владѣлецъ саквояжа что-то долго не приходитъ, и пассажиры устраиваютъ совѣщаніе по вопросу о правахъ саквояжа и человѣка.

— Вотъ мѣсто, видишь — показывая на вторую полку, говоритъ крикливая бабенка,

устроившаяся на нижнемъ мѣстѣ съ троими ребятами, своему сосѣду, рыжебородому мужику, упрямо лѣзущему съ громаднымъ мѣшкомъ на весь ея выводокъ.

— Чего видишь?!.. Вижу, не слѣпой, что мѣсто занято!... Ты вотъ сама пододвинься!.. Ищь, разсѣлась, какъ фея какая!..

— Да ты очумѣлъ, пучеглазый, чо-ль?! Куда же я съ ребятами подѣваюсь... Сыми кулечекъ то барскій, да растягивайся, храпи во всю Ивановскую!.. Никѣмъ оно не занято. Тутъ человѣчье мѣсто, а для вещей — можно подъ лавку!..

— И то, пожалуй снять! — соглашается рыжебородый. — Баринъ-то поди въ буфетѣ кофей распиваетъ, а у насъ въ горлѣ сохнетъ... Сыму! — Онъ нерѣшительно беретъ саквояжикъ и намѣревается переложить подъ нижнюю полку.

Но въ этотъ моментъ въ вагонъ влѣзаетъ раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся барынька, съ растрепанными буклями, въ шляпкѣ на бокъ, видимо выдержавшая уже какую то битву на почвѣ желѣзнодорожныхъ правъ. Барынька обрушивается на рыжебородаго.

— Позвольте, позвольте! визжитъ она. — Вы куда это мои вещи тащите?!.. Сейчасъ я жандарма позову... Жандармъ!.. Проводникъ!.. Кондукторъ!.. Позовите жандарма!

— Да я чего, ворую, чо-ль? — Оправдывается онъ. — Чего зря ревешь! Народъ то кругомъ видитъ, что мѣсто освобождаю... Подъ лавку его надо, рудикиль твой!.. Не мѣсто ему здѣсь... коли заняла мѣсто, такъ сиди на немъ, а не мельтешись по станціи!..

Дамочка вырываетъ саквояжъ у рыжебородаго, гнѣвно сверкаетъ глазами, и мужикъ ретируется.

Въ другомъ углу происходитъ тоже маленькій скандалъ все на ту же тему — о священномъ желѣзнодорожномъ правѣ перваго захвата. На второй полкѣ лежитъ какой-то господинъ, а на третьей помѣстился красный, съ блестящимъ замкомъ новенькій чемоданъ этого господина. Кучка раненныхъ солдатъ осталась безъ мѣста, и атакуетъ лежащаго господина.

— Ты лучше, братъ, по хорошему этотъ чемоданъ убери!.. Тамъ человѣкъ ляжетъ, а чемоданъ внизъ спустить надо! — Чего съ нимъ много разговаривать, ребята: мы въ окопахъ сидѣли!.. Здѣсь полежать можно! У чемодана ноги не прострѣляны, а у насъ какъ рѣшето!.. Вали, ссаживай чемоданъ безъ разговоровъ!.. Ишь, самъ растянулся во всю лавку, да и чемоданы разложилъ!.. Третья полка для лежанья полагается!.. Клади, коли хошь на боковую!..

Но господинъ невозмутимо говоритъ, отчеканивая каждое слово:

— Я чемоданъ не сниму!.. И вы его не снимите... Позовите жандарма; пусть жандармъ сниметъ. Тогда мы посмотримъ для кого третья полка: для лежанія, или для вещей... Здѣсь у меня документы лежатъ, и я ихъ охраняю... А если вы своевольно снимете, сами отвѣчайте!..

Слова «документы», «жандармъ» заставляютъ солдатъ отсупить. Они начинаютъ уже миролюбиво совѣщаться съ господиномъ.

— Да вѣдь наше то дѣло какое: прямо сказать, безъ ногъ мы, больные... Куда дѣваться?.. Стоять на ногахъ всю ночь не выдержимъ... Можетъ, пойти просить отдѣльный вагонъ, чтобы намъ дали? Намъ полагается мѣсто. Вѣдь мы съ позицiи, отечество защищали!..

— Конечно, — соглашается господинъ. — Идите, требуйте отдѣльный вагонъ. Вамъ должны дать.

— Провожатый! — обращаются раненые къ сопровождающему ихъ солдату, — иди-ка, братъ, хлопочи у начальника станцiи или коменданта вагонъ для насъ... Потому, мы, — какъ раненые!..

Раздается третiй звонокъ и поѣздъ трогается. Понемногу кое какъ размѣщаются въ вагонѣ: кто забрался на третью полку. Идутъ уже мирные бесѣды. Группу раненыхъ окружила публика, жадно слушающая разсказы о жизни на позицiяхъ.

Низкорослый, но крѣпко сшитый солдатикъ повѣствовалъ.

— Насъ два полка сибирскихъ было... А ихъ видно почти корпусъ...

Ну, да они не знали, что насъ меньше, а то бы намъ не вывернуться... И окружили мы ихъ у самой рѣки. Дальше имъ податься некуда: потому рѣка сзади. Сперва ихъ наша артиллерiя чесать начала. Они тоже артиллерiей. Только наша то артиллерiя въ самую гущу бьетъ, а они нашего расположенiя не знали, да и пробухали въ сторону!.. А мы притаились. Потомъ, видимъ, подаваться они

начали. Мы въ атаку... Но, и поперли же ихъ! Всю рѣку заполнили трупами!.. Здорово перли!..

— А что, не страшно въ бою? — спрашиваетъ кто-то изъ публики.

— Чего страшно!.. Спервоначалу жутковато. А потомъ сразу привыкнешь. Которые трусятъ, скорѣе попадаютъ. Пуля или снарядъ вѣдь не разбираютъ: онъ спрятаться хочетъ, анъ тутъ то его и прикрючитъ!.. Нѣтъ, если смѣлѣй, то лучше... Я вотъ въ пяти мѣстахъ былъ раненъ. И ничего, живъ остался. Съ самаго начала на позиціяхъ нахожусь. Привыкъ, и страху нѣтъ никакого. Скучаю даже теперь, безъ дѣла. Смотри вотъ раны то зашиты...

Солдатъ распахиваетъ рубашку и показываетъ грудь съ двумя зарубцевавшимися пулевыми ранами. Слушатели стараются наперерывъ поглядѣть.

Понемногу все затихаетъ. Вагонъ монотонно стучитъ колесами, колыхается на быстромъ ходу изъ стороны въ сторону. Утомленный людъ засыпаетъ.

Вдругъ раздается пѣніе. Но пѣніе какое-то особенное: дикое, дикое, непонятное: человѣческія слова, безъ всякой связи между собой, переплетаются съ заунывными гортанными звуками, въ которыхъ чуется что-то звѣриное, нечеловѣческое...

— Кто это распѣваетъ?

— Да больной нашъ одинъ солдатикъ... Душевно больной онъ... На позиціяхъ повредился. Да онъ такъ... тихій. Вотъ теперь только какъ запѣлъ, такъ и пойдетъ ужъ...

Спокою отъ него не будетъ. А такъ, — онъ ничего, не бушуетъ: какъ дитя малое сталъ!..

Человѣческіе мотивы переплетаются со звѣринымъ воемъ, нагоняютъ жуть. Сердце тоскливо щемитъ, становится страшно. Невольно заползаютъ мысли о граняхъ разсудка человѣческаго... Чувствуешь, близко отъ себя эти грани, и страхъ охватываетъ все больше и больше. Большинство публики въ вагонѣ проснулось. Кто шопотомъ, кто грмко переговаривается по поводу больного, ближніе сосѣды со страхомъ жмутся въ углы...

А больной поетъ. Глаза безъ мысли глядятъ въ пространство, руки перебираютъ клавиши невидимой гармоніи, и пѣсня расходится шире, громче... Пѣсня изъ нестройныхъ аккордовъ, дикихъ выкриковъ отдѣльныхъ словъ и тоскливаго мычанія...

Поѣздъ несется, гремитъ колесами, звуки лязгающаго желѣза больно бьютъ по нервамъ. И подъ этотъ аккомпаниментъ гремящаго желѣза вырываются откуда-то изъ глубины потемнѣвшей души звуки, слова...

— И-и-о-э!.. Нѣмцу... о-о-э!.. же... же... же!.. Русскія!.. сидятъ!.. а-а-мы!..

Сталь лязгаетъ...

ПЛѢННЫЕ.

Въ лавкѣ уѣзднаго торговца — группа плѣнныхъ офицеровъ. Большинство австрійцы, два - три германца. Покупаютъ — что попадетъ подъ руку. Одинъ, умѣющій объясняться съ грѣхомъ пополамъ по русски, толмачитъ. Хозяинъ — еврей, старается объясняться на жаргонѣ. Понимаютъ другъ друга «изъ пятаго на десятое». Между остальными плѣнными и приказчиками установился «международный» языкъ при помощи рукъ, жестовъ, и коверканья русскихъ и нѣмецкихъ словъ.

— Понимай!.. мой понимаетъ!.. — говоритъ приказчикъ. —

— Ваша надо щетку, чиститъ, значитъ?! — При этомъ приказчикъ энергично машетъ рукой по костюму, дѣлая видъ, что чиститъ.

Торговля идетъ бойко...

Одинъ изъ посѣтителей — русскихъ пытается толмачить на французскомъ языкѣ. Но познаніями въ этой области, оказывается, не особенно силенъ, и тоже больше коверкаетъ русскія слова.

— Же компранъ, мусью... Ву желаете юнъ галошъ? — силится понять толмачъ.

— **Non, monsieur!** — Плѣнный начинаетъ пояснять, что ему нужны ботинки.

Другому понадобился галстукъ. Тоже при-

бѣгнулъ къ помощи французскаго языка. Но вышло недоразумѣніе со словомъ **la cravatte**: приказчикъ вытащилъ тяжелую желѣзную кровать. Когда выяснилось, что покупателю нуженъ галстукъ, а не кровать, — въ лавкѣ взрывъ хохота какъ со стороны плѣнныхъ, такъ и русскихъ.

Зашедшіе въ лавку крестьяне обмѣниваются мнѣніями о плѣнныхъ и обращаются къ «толмачамъ» за разъясненіями, будучи вполнѣ убѣждены, что толмачи говорятъ по «ихнему» великолѣпно.

— Спроси-ка у энтого, господинъ: изъ германцевъ, аль австрійцевъ будетъ?..

— А, однако, жидковаты эти австрійцы супротивъ германцевъ то, выходитъ!..

— Австрійцы, видно, больше насчетъ благородства... А германцы — вояки!..

Отношеніе у публики къ плѣннымъ предупредительно вѣжливое. Это не нравится одному крестьянину, и онъ громко замѣчаетъ:

— Одначе... Чего-то ужъ больно ласковы съ ними!.. Оно, хоть и безъ оружія, а все-жъ врагъ!..

— Чего врагъ!.. Какой теперя отъ него вредъ?! Зачѣмъ обижать безъ дѣла!.. Лежачаго не бьютъ!.. Придетъ домой — пусть лучше добромъ поминаетъ!.. — сыпятся возраженія пересолившему патріоту и онъ стушевывается.

. . . .

Плѣнные, козыряя хозяину и публикѣ, гурьбой выходитъ изъ лавки.

ТОВАРИЩИ.

Въ военной формѣ я сразу его не узналъ. Недавно еще былъ какъ и всѣ. Скромный учитель, славный парень, немножко мечтатель. Любилъ книги и дѣтей. Фигура увальня, мѣшковатая. И вдругъ...

Сѣрая солдатская шинель толстаго сукна, какъ-то уплотнившая всю фигуру, гладко прилегла къ нему, гибкому и сильному. Тяжелые грубые сапоги. Сѣрая папаха, погоны изъ того же сукна, что и шинель, только красный кантикъ на нихъ со звѣздочкой, да фарфоровая кокарда на папахѣ — говорятъ объ офицерскомъ чинѣ. Движенія увѣрены, ловки, пружинисты. Добродушное лицо серьезно, нѣсколько втянулось. Крупныя черты его — въ дѣловыхъ складкахъ, глаза поблескиваютъ.

И на всемъ лицѣ лежитъ тотъ особый отпечатокъ, который особенно характеренъ для всѣхъ, идущихъ «туда». Отпечатокъ обреченности. Можетъ быть на смерть. Можетъ быть на болѣзни отъ ранъ и увѣчій. Во всякомъ случаѣ — на страданія.

Страху не видно. Только немножко нервенъ, настроеніе повышено. Говоритъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, звучнымъ басомъ, но съ какимъ-то металлическимъ от-

тѣнкомъ. Раньше голосъ былъ жирноватъ и мягче.

Призванъ. Завтра ѣдетъ на войну. А сегодня — зашелъ въ кинематографъ.

Встрѣтилъ товарища, тоже призваннаго, въ чинѣ рядового.

— Возьму тебя, Миша, вѣстовымъ! Ладно? Если ранятъ—вынесешь... Георгія получишь!..

— Ладно!.. Только ты, хоть и офицеръ, тоже выноси, если ранятъ меня: съ такимъ уговоромъ!..

— Идетъ!..

Смѣются.

— Скверно только, Миша, весной будетъ въ окопахъ... Природа пьянитъ, соловьи свистятъ! Любить хочется! А тутъ — бухать надо.

— Коль доживемъ... не до соловьевъ будетъ!.. — буркаетъ Миша.

Пошли вмѣстѣ въ одинъ номеръ гостиницы. Два друга — деньщикъ и офицеръ.

Завтра выступаютъ...

У БѢЖЕНЦЕВЪ.

Тѣсное, крохотное помѣщенiе изъ трехъ комнатъ, двѣ изъ которыхъ биткомъ набиты народомъ: бѣженцами и сотрудниками секцiй Комитета. Здѣсь прiютились секцiя справочно-трудовая, школьная, квартирная, продовольственная, регистрацiя. Въ каждой секцiи дежурятъ не меньше двухъ-трехъ членовъ, а въ нѣкоторыхъ считая и подсекцiи, больше. За однимъ столомъ работаютъ по нѣсколько секцiй вмѣстѣ. Работники секцiй видимо изнемогаютъ отъ тѣсноты, давки, спертаго воздуха, лихорадочнаго характера работы. Но въ то же время видишь постоянно возбужденныя, добрыя лица; атмосфера работы не оставляющей свободной минуты, работы общественно необходимой, нужной и важной, настраиваетъ на бодрый ладъ, дѣлаетъ голосъ увѣреннымъ, мысль дисциплинированной въ строго дѣловомъ направленiи.

Бѣженцы грудами окружаютъ столы секцiй, наваливаясь толпой, мѣшая работѣ. Въ длинномъ узкомъ корридорѣ, на лѣстницѣ, въ прихожей, всюду бѣженцы и бѣженцы. Глядя на нихъ приходятъ на память слова:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчiй, состоянiй!..»

Правда «состоянiе» матерiальное, да пожалуй и моральное, у нихъ особой смѣси не представляетъ: всѣ они разорены, почти нищiе, безъ крова, одежды и денегъ. Подавлены, смяты набѣжавшей на нихъ военной бурей, перенесшей ихъ изъ родныхъ привычныхъ мѣстъ въ чужой, суровый и подчасъ непонятный для нихъ край.

Прислушаешься къ разговорамъ, присмотришься къ работѣ секцiи, и тогда явственнѣе вырисовывается эта невѣроятныхъ размѣровъ картина горя-несчастiя, разбитыхъ надеждъ, разбитой покалѣченной жизни, которую представляетъ изъ себя бѣженство.

Слѣпую, растерявшуюся, безпомощную старуху, распрашиваютъ въ регистрацiи:

— Какое же, бабушка, имущество у тебя было: изба, корова, вещи домашнiя?..

— Все было, кормилица, барынька. Охъ, все было!.. Да я ужъ не гонюсь за этимъ. Пропало все!.. Мнѣ бы хоть за все это дали одеженку какую не на есть. И на томъ спасибо!.. Ты барыня, такъ и напиши: пущай дадутъ одѣться, обуться, за все мое хозяйство. Больше-молъ старуха не проситъ... Такъ и напиши!..

Въ школьной секцiи шустренькая дѣвочка, лѣтъ 12—13, обутая въ чьи-то громадныхъ размѣровъ сапоги, на вопросъ: откуда она ихъ достала, быстрой дробью разсказываетъ:

— Мамонькины сапоги-то! Тутъ ихъ, въ комнатѣ же мамонькѣ-то дали. На всю семью одни сапоги пришлись. Вотъ и ходимъ: мнѣ нужно-идти — я одѣну, а мамонька босая си-

дитъ. Мамонькѣ идти — она одѣнетъ, я босикомъ. Дома-то ничего: и босой можно. Вотъ ребятенкамъ бы только еще чего-нибудь надо одѣть... Пришла сюда: мамонька послала: ребятенкамъ, говоритъ, изъ одежи чего-нибудь попроси... А въ школу-то ходить, если одежа и мнѣ найдется, я буду. Дома тоже училась...

Молодой еще человѣкъ, лѣтъ 25, бѣженецъ, по виду рабочій, повѣствуетъ въ секретаріатѣ о своихъ неудачахъ. На глазахъ блестятъ слезы. Видъ подавленный.

— Думалъ я гдѣ-нибудь устроиться въ уѣздѣ... Родственникъ у меня въ Б. Взялъ у васъ билеты, поѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Б. Пожилъ недѣлю. Работы никакой. Вдругъ родственника переводятъ. А у меня жена расхворалась. Нужно теперь все семейство и жену больную, и дѣтей обратно въ Красноярскъ везти, торопиться надо: навигація кончается... А какъ-же я ее, больную-то, въ жару, доставлю теперь?.. И денегъ ни копейки... Прямо не знаю что — дѣлать?.. Пріѣхалъ нарочно къ вамъ сперва, — не то, что денегъ попросить... Конечно, и безъ денегъ ничего не сдѣлаешь... Главное посовѣтуйте: какъ поступить, куда дѣваться?.. Растерялся я совсѣмъ...

Спазмы сжимаютъ ему горло, и не можетъ дальше продолжать...

Входятъ двое крестьянъ бѣлоруссовъ, большебородые въ типичныхъ мѣстныхъ одеждахъ, съ мѣдными солдатскими пуговицами, вмѣсто украшеній. Пріѣхали изъ поселка, гдѣ временно пріютились у родственниковъ.

— За способіемъ мы... Прослышали, что пособіе здѣсь выдаютъ! — Показываютъ свои «бѣженскіе билеты».

— Да здѣсь вѣдь пособіе дается только на дневное продовольствіе, по 15 коп. на день. Зачѣмъ же вамъ ѣхать было за такимъ пособіемъ? — говорятъ имъ въ секретаріатѣ.

— А мы развѣ знаемъ?.. Слышали что выдаютъ, вотъ и пріѣхали!.. Вы уже не откажите, господинъ... Прямо жить не на что!.. Сродственники наши, у которыхъ стоимъ на участкѣ, сами безъ малаго голодомъ живутъ... Такъ, что безъ способія намъ никакъ не прожить... Прикажите выдать!..

Въ справочномъ бюро какой-то крестьянинъ бѣженецъ «убѣдительно» проситъ поскорѣе похлопотать о полученіи денегъ за реквизированное имущество. Блѣдная, худая беременная женщина, пришедшая съ четверыми полуодѣтыми дѣтьми, проситъ подписать билетъ на безплатную выдачу лѣкарствъ. Видимо, почему-то, долго задержалась, т. к. ребятишки тащатъ ее за юбку и нудными голосами тянутъ:

— Ма-амъ, а ма-а-мъ!.. Пойдемъ поскорѣе!.. Ись хоцца!.. Пойдемъ; ма-а-мъ!..

Въ другомъ углу крестьяне упорно суютъ какому-то господину, видимо случайному посѣтителю, документы, бумаги:

— Тутъ вотъ все прописано... Прямо квитанціи!.. Гдѣ получать, намъ растолкуйте?!.

— Да это не мнѣ, — наконецъ понимаетъ онъ въ чемъ дѣло, — вотъ туда обратитесь. Тамъ вамъ все разскажутъ...

А за столомъ въ бюро труда идетъ такой разговоръ:

— Мнѣ-бы только инструментъ получить!.. Рабочій я, столяръ... Если инструментъ будетъ, тогда (и) помощи мнѣ никакой не надо... Лишь бы инструментъ былъ!..

Какой-то господинъ, наниматель, нетерпѣливо вмѣшивается:

— Вы, барышня, меня отпустите поскорѣй! Мнѣ рабочихъ нужно. Запишите, пожалуйста, я разскажу какихъ... Можетъ быть здѣсь же сейчасъ найдутся, — еще тогда лучше...

Барышня прерываетъ переговоры со столяромъ и записываетъ перечень рабочихъ.

ДАЛЬНІЙ ТЫЛЪ

Изъ сибирскаго дорожнаго дневника

НОВЫЯ ПѢСНИ СТАРЫХЪ И НОВЫХЪ ПТИЦЪ.

1.

Иванъ Потаповичъ.

Проѣздомъ черезъ село А, завернули къ знакомому купцу, Ивану Потаповичу, погрѣться, чайку попить. Сельское купечество гостепріимно. Заѣзжему же городскому человѣку сугубо рады: можно свѣжія новости разузнать, поговорить на свободѣ, и о своихъ дѣлахъ разсказать. Купецъ живетъ «моментомъ», и въ зависимости отъ него строитъ свои расчеты. Общія событя прилаживаетъ къ механизму своего торговаго оборота. Используетъ настроеніе рынка, политическія событія. Вообще «смекаетъ».

Едва успѣли раздѣться, какъ на столѣ появился шипящій самоваръ, медъ, печенье, закуска; откуда то вынырнула бутылка рябиновки.

— Милости просимъ къ столу, обогрѣться съ дорожки! — приглашаетъ хозяйка.

Съ нами за столъ садится только хозяинъ съ хозяйкой. Большая семья гдѣ-то распылилась по дальнымъ комнатамъ. Таковъ ужъ обычай: неудобно сажать за столъ всю семью, когда гости пріѣхали. Но постепенно въ комнатѣ появляются и остальные члены семьи: двѣ

взрослыя хозяйскія дочери, сынъ, пришедшій изъ лавки, и нѣсколько малышей. Дѣвушки, немного конфузясь, присаживаются вслѣдъ за братомъ къ краешку стола, а малыши жмутся по угламъ.

Иванъ Потаповичъ очень словоохотливъ. Говоритъ обдуманно, гладко, витіевато. Уснащаетъ свою рѣчь мудреными словѣчками, которыя ему, видимо, нравятся, хотя въ большинствѣ случаевъ употребляетъ ихъ не къ мѣсту и придаетъ имъ свое особенное толкованіе. Разговариваемъ о войнѣ, о настроеніи деревни, торговлѣ.

— Торгуемъ, слава Богу, жаловаться нельзя! — говоритъ Иванъ Потаповичъ. — До войны такъ не торговали. Граціозная, можно сказать, торговля идетъ! Бѣда только, — товару доставать съ каждымъ днемъ труднѣе становится. Пишешь-пишешь, телеграммки отбиваешь, а все-таки толку добиться трудно. Раньше, бывало, чуть не каждый день къ тебѣ вояжеръ заглядываетъ. Отбиваешься отъ него, отбиваешься, — анъ, смотришь, натолкаетъ товарчишку. Зайдетъ вотъ также, чайку попить, да начнетъ расталбачивать про всякія дѣла, — народъ то насчетъ разговоровъ дока, эти вояжеры, — самъ не замѣтишь, какъ заказъ дашь! Ты ему толкуешь: «Не надо!». А онъ знай себѣ пишетъ, да пишетъ. «И деньги, говоритъ, подождемъ, и смарку сдѣлаемъ, и франко будетъ, и экстру еще примажемъ, и товарцу дадимъ — только пальчики оближите!».. Ну, и наберешь — чего надо, и чего не надо...

— А впрочемъ, соловья баснями не кормятъ... Давайте, сперва симуляцію маленькую

пропустимъ, — говоритъ онъ, подмигивая на бутылку. — По нонѣшнимъ временамъ такую симуляшечку днемъ съ огнемъ искать нужно. А тутъ она на столѣ сама объявилась.

Выпивъ и закусивъ икоркой, Иванъ Потаповичъ продолжаетъ:

— Да-а-съ... Бывало, этихъ самыхъ лодзинскихъ еврейчиковъ, вояжеровъ, мы и за людей не считали... Лодзинскому товару иначе, какъ «барахло» и названья не было... А теперь — хоть посмотрѣть бы на него, лодзинскаго вояжерчика, да и за деньги не увидишь! Ѣдешь теперь за товаромъ самъ, къ фирмамъ. И вездѣ одна пѣсня: «записать, по знакомству запишемъ. Только — треть задатку, остальные наложеннымъ... Да и заказецъ то исполнимъ только мѣсяца черезъ два, наполовину!» А ужъ насчетъ цѣны и не спрашивай: «какая будетъ!» Вотъ, такимъ то манеромъ помажутъ тебя въ Томскѣ, погладятъ въ Омскѣ, остригутъ въ Москвѣ, да побреютъ въ Нижнемъ, — и ѣдешь домой съ профанаціей: задатки роздаъ, деньги вытряхнулъ, а товару нѣтъ. Смотришь, вмѣсто двухъ мѣсяцевъ, черезъ полгода пришлютъ, да не половину, какъ обѣщаютъ, а только четверть. А иной и задатокъ назадъ вернетъ: совсѣмъ, молъ, не будетъ товару... Торгуй, какъ знаешь!.. Видно бросать придется въ концѣ концовъ торговлю эту.

— А чѣмъ же займетесь, если торговлю бросите?

— Да ужъ тамъ видно будетъ. Война кончится, можетъ опять за это же дѣло возьмемся. А пока думаю прекратить, отдохнуть...

— Но дѣло-то у васъ налаженное: прекратите, а вновь налаживать труднѣе будетъ.

— Нѣтъ, ужъ видно прекращать такъ и такъ придется. Главное — съ народомъ не сообразишь! Народъ темный, ничего не понимаетъ. «Вы, говоритъ, насъ грабите!.. Грабители!.. Подождите, говоритъ, мы вамъ покажемъ Кузькину мать!»...

— И знаете, — вдругъ переходитъ на шопотъ Иванъ Потаповичъ, — это будетъ! Вся эта юриспунденція произойдетъ!.. Озлобился народъ... Дойдетъ то точки — все разнесетъ! Конечно, мы тоже не безъ грѣха, что жъ говоритъ, дѣло коммерческое. А только и въ убытокъ торговать намъ невозможно. Сегодня получаю отъ фирмы письмо: надбавили — молъ двадцать процентовъ, завтра — опять двадцать, а черезъ мѣсяцъ, смотришь, и сто... Ну, а наше дѣло маленькое: большіе люди надбавляютъ, а маленькій человѣкъ, если не надбавитъ, такъ въ два дня въ трубу вылетитъ. Какъ получишь этакое письмецо, такъ и накинешь, такъ и накинешь. А народъ ничего этого и въ толкъ не беретъ: «грабители, говоритъ, да и только. Какъ хочешь, такъ и аллалируй: или лавочку закрывай, или разоряйся...

Сынъ Ивана Потаповича, молодой человѣкъ, видимо почитывающій, немножко интеллигентный, иронически заключаетъ тираду отца:

— Скверное дѣло, папаша! Не даромъ Некрасовъ писалъ:

«Укажи мнѣ такую обитель,
«Гдѣ бы русскій купецъ не стоналъ»...

Иванъ Потаповичъ принялъ это за чистую монету.

— Видно, Некрасовъ-то входилъ въ наше купеческое положеніе. Понималъ, выходитъ, отъ чего купецъ стонетъ... Сразу видать — человѣкъ съ настоящимъ толкомъ былъ. А то только и слышишь: «грабитель», да «кулакъ!» Пускай теперь эти потребительныя лавки поработаютъ, а мы отдохнемъ. Имъ, можетъ, товару то даромъ дадутъ. Онѣ грабить не будутъ... Посмотримъ!.. А мы аллалировать больше пока не стнаемъ. Баста!.. Проторгую еще мѣсяца два, три, да и лавку на запоръ... Пускай идутъ въ потребиловку: тамъ, слышь, медомъ намазано!..

О потребиловкѣ Иванъ Потаповичъ говоритъ съ нескрываемымъ озлобленіемъ, съ какою то желчью. Видимо, потребительная лавка, открывшаяся въ селѣ А, только годъ тому назадъ, не мало напортила крови посидѣвшему на коммерческихъ «аллалированіяхъ» старому торговцу.

И не отъ одного Ивана Потаповича приходится слышать такія жалобы. Гдѣ бы только ни завелась теперь «потребиловка», — мѣстные купцы не то, что съ ненавистью, а чаще даже съ недоумѣніемъ о ней говорятъ:

— Что дѣлаютъ то?!. Въ этакіе-то годы, когда, можно сказать, нашему брату только бы и заработать — прямо Богъ посылаетъ, они торгуютъ, какъ до войны!.. «Нормальный», слышь процентъ накидываютъ!.. Да теперь какіе-такіе нормальные проценты могутъ быть, когда этакое кругомъ творится?!.

Эти и подобные разговоры среди мѣстныхъ торговцевъ, повторяю, слышатся чуть не каждый день. И всѣ въ унисонъ пророчатъ ги-

бель кооперативамъ: «какъ только война война окончится, и понижать расцѣнки дове- окончится, и понижать расцѣнки до ведется». Пророчатъ и закрываетъ свои лавочки.

Между тѣмъ, подъ аккомпаниментъ этихъ пророчествъ, въ деревнѣ идетъ упорная работа надъ созданіемъ потребительныхъ организацій. Народная мысль, въ поискахъ новыхъ формъ общественнаго строительства, прежде всего наталкивается на эту доступную и понятную схему организованности.

И кооперативы не унываютъ.

2.

Деревенская интеллигенція.

На земской квартирѣ съѣхались мы какъ то вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ и делегатомъ отъ союза кооперативовъ. Делегатъ объѣзжаетъ потребительныя лавки, налаживаетъ уѣздный съѣздъ. Человѣкъ, видимо, опытный, хорошо знающій нужды и настроеніе крестьянъ. Разговорились съ того, же, о чемъ и Иванъ Потаповичъ разсказывалъ. Началъ врачъ дѣлиться своими впечатлѣніями.

— Знаете, — говорилъ врачъ, — приходится сталкиваться съ коммерсантами, купцами мѣстными, и ото всѣхъ слышишь, что торгуютъ бойко. Видимо, шевелится копейка въ народѣ. Говорятъ — война ведетъ къ обнищанію, бѣдности, населеніе разоряется, послѣдній грошъ вышелъ. Но вотъ этотъ факторъ, хорошая-то торговля, говоритъ о противномъ....

— Хорошая торговля, копейка шевелится! — иронически повторилъ кооператоръ. — А знаете ли вы, что это за копейка?.. Мнѣ приходится очень близко соприкасаться съ крестьянами, все время возишься съ потребилками и, естественно, къ хозяйственной жизни населенія, къ сути ея, подходишь какъ свой человѣкъ. И у меня объ этой копейкѣ особое мнѣніе имѣется.

— Кто сейчасъ остался въ деревнѣ? — продолжалъ кооператоръ, — старый, да малый, да женщины. Хозяевъ-работниковъ десятой доли не насчитаешь. Хозяйствомъ правитъ баба. А бабье хозяйство у насъ ведется совсѣмъ не съ тѣмъ расчетомъ, что у мужика. Продала баба хлѣбъ, — идетъ къ купцу тряпокъ накупить. Свела корову со двора, — о цѣнѣ хорошей прослышала, тоже половина денегъ затрачена будетъ на бездѣлье. Лошадь реквизировали — опять денежная находка, опять въ лавкѣ остается. Вотъ и торговля идетъ бойко. Хорошій-то домохозяинъ всякій грошъ норовитъ производительно въ хозяйство затратить: то сѣмянъ купитъ, то машину заведетъ, то инвентарь, скота прибавитъ, домъ поправитъ. У домохозяина обычно въ эту сторону тяготѣніе наблюдается. А ужъ тряпки и «справа» всякая дѣлается отъ излишковъ. При теперешнемъ же хозяйствованіи, при недосѣвахъ, этихъ излишковъ быть не можетъ. Если излишки и обнаруживаются, такъ просто благодаря нераціональному ихъ расходованію, непроизводительной тратѣ...

— Однако, — перебилъ врачъ, — большая экономія получается благодаря введенію трезвости. Этого-то вы будете отрицать?!

— Да вѣдь самогонка дороже водки стоитъ! пиво, бражка — тоже не дешево! А въ какой деревнѣ вы не найдете теперь этого добра? Если и имѣются какія-либо сбереженія отъ вашей хваленной трезвости, такъ они и наполовину не компенсируются потерями въ хозяйствѣ. А потери эти, отъ недостатка работниковъ, отъ отсутствія домохозяевъ, — боль-

шія — и на общемъ экономическомъ уровнѣ нашего крестьянина въ недалекомъ будущемъ скажутся... Ой, какъ скажутся!..

— Ну, а какъ наши кооперативныя начинанія? — задалъ я вопросъ.

Кооператоръ оживился.

— Сейчасъ мы живемъ очень интенсивной жизнью. Отдѣльные кооперативы нарождаются, какъ грибы. Устраиваемъ союзы, уѣздные, губернскіе. Кооперативное сознаніе растетъ. Дороговизна явилась самымъ лучшимъ агитаторомъ въ пользу коопераціи. И, я увѣренъ, что въ смыслѣ роста коопераціи, мы за время войны сдѣлаемъ столько, сколько и въ десять лѣтъ при нормальныхъ условіяхъ не смогли бы сдѣлать. Посмотрите на наши союзы: не по днямъ, а по часамъ вырастаютъ такія мощныя организаціи, которыя захватываютъ собою почти каждый глухой уголокъ. И когда эти организаціи встанутъ на ноги, скрѣпнутъ, ихъ не можетъ сломить никакая сила!..

— Бѣда наша въ томъ, только, — продолжалъ онъ, — что работниковъ нѣтъ. Многихъ дѣятельныхъ и активныхъ людей, которые сейчасъ страшно нужны, взяли на военную службу, а смѣна имъ еще не подросла.

— Какъ не подросла?

— Да въ кооперативномъ, организаціонномъ смыслѣ. Нѣтъ еще навыковъ, кооперативнаго сознанія, просто сплошь и рядомъ пониманія того, что нужно. Вотъ недавно пришлось мнѣ заглянуть въ одну деревушку. Лавка тамъ потребительская открыта года два. Но дышитъ на ладанъ. Выясняю при-

чины, знакомлюсь съ мѣстными дѣятелями. И что же оказывается? Дѣло ведутъ сами крестьяне, полуграмотные, съ торговлей незнакомые. Ѣдутъ въ городъ купить товаръ, и тамъ же, въ городѣ у купцовъ совѣтовъ просятъ: какъ бы устроитъ, чтобы приказчикъ ихъ не обворовывалъ! Продаютъ въ большинствѣ въ кредитъ: чуть не вся деревня должна лавкѣ. А теперь, когда подошли крытыя времена, и самимъ въ кредитъ не достать, — сидятъ безъ товара, безъ денегъ, и свой распущенный кредитъ выручить не могутъ. Конечно, при такихъ условіяхъ далеко не уѣдешь, и вмѣсто кооперативной организаціи получается чортъ знаетъ что! Единственнымъ утѣшеніемъ для меня послужили здѣсь самая обстановка возникновенія этой лавки. Вѣдь сами мужики, безъ посторонней помощи, додумались до необходимости ее открыть. Неопытные, плохо грамотные, а рѣшились взяться за это трудное дѣло. Значитъ, сильна же все-таки кооперативная идея! Носилась носилась она въ воздухѣ, гдѣ мало-мальски подходящую почву находила, благопріятныя условія были, тамъ тотчасъ же и осѣдала, претворялась въ жизнь. Занесло ее въ этотъ медвѣжій уголъ и, хотя условій достаточныхъ не было, она и тамъ осѣла, и, какъ никакъ, упорствуетъ, не хочетъ улетѣть — два года въ головахъ у мужиковъ, несмотря на всѣ неудачи, сидитъ.

— Ну, а какъ съ вашимъ пріѣздомъ теперь не наладится у нихъ дѣло? — поинтересовались мы.

— Какъ не наладится! Рады моему прі-

ѣзду они были безумно. Дѣло еще вполнѣ можно поправить. Обѣщалъ я хорошаго приказчика - кооператора послать. Собрали сходъ, потолковали, ободрились. Кредиты свои теперь соберутъ, а товаръ для нихъ достать ужъ мы позаботимся. Нѣтъ, теперь у нихъ дѣло, можно сказать, на ходу!

— Для меня немножко странно все - таки, — замѣтилъ врачъ, — что работниковъ у васъ не хватаетъ. А что же деревенская интеллигенція дѣлаетъ? Учителя, фельдшера, священники? Они, кажется, всегда въ кооперативныхъ организаціяхъ участвуютъ...

Вмѣсто отвѣта кооператоръ ядовито замѣтилъ:

— Вы сами, докторъ, кажется въ потребительномъ обществѣ даже членомъ не состоите, хотя резиденція ваша тоже въ... Вы — врачъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, книжки читаете... Вамъ - то бы кажется эти книги въ руки. А, однако, цѣлый рядъ мотивовъ, по всей вѣроятности, наготовѣ имѣется, по которымъ не работаете въ коопераціи. Что же спрашивать съ остальной деревенской интеллигенціи?.. Каждый въ своей норѣ силитъ, носа не показываетъ... Мало работниковъ интеллигентовъ у насъ...

Во время этого разговора вошла наша общая знакомая учительница, Марія Сергѣевна. Лѣтъ пять работаетъ уже она въ мѣстной школѣ и слыветъ образцовой. Заѣхала сюда, въ глушь, случайно, да и осѣла прочно. Училась въ столицѣ, и сейчасъ, кажется, столичныя связи не порываетъ, даже корреспонденткой въ одномъ педагогическомъ

журналѣ состоитъ. Марія Сергѣевна — человѣкъ живой, съ огонькомъ, много читаетъ.

Темой нашего разговора она живо заинтересовалась. Видимо — для нея, это наболѣвшій вопросъ.

— Наша интеллигенція! — Съ горечью говоритъ Марія Сергѣевна. — Да знаете ли вы, что я вотъ уже пять лѣтъ бьюсь какъ рыба объ ледъ, и ничего не могу сдѣлать, чтобы какъ нибудь разбудить этого мертвеца?!

— Рѣзко сказано! Ужъ будто совсѣмъ мертвецъ? Я, какъ врачъ, не могу этого констатировать, хотя бы потому, что мертвецы самогонку не пьютъ. А вашъ коллега П. на дняхъ такъ наспиртовался, что въ самомъ дѣлѣ на мертвеца сталъ походить! — смѣялся докторъ.

— Вотъ-вотъ... У учителей — самогонка, картишки. Учительницы — флиртомъ, да тряпками занимаются... Ничего не читаютъ, ничего не знаютъ, не интересуются. Пробовала было я устроить кружокъ такой — совмѣстно съ учителями и учительницами нашего района собираться хоть разъ въ двѣ-три недѣли: почитать литературныя новости, новыя теченія въ педагогикѣ обсудить... Ничего не вышло. Сперва будто бы заинтересовались. Но со второго же чтенія зѣвать начали, по сторонамъ глядѣть, и разбѣжались въ концѣ концовъ, не докончивъ. На третье — никто не пріѣхалъ, подъ разнымъ предлогами. А ужъ вечеръ какой-нибудь съ танцами — не пропустятъ!.. Ну, да это, конечно, Богъ съ ними!.. Я сама потанцовать люблю...

Понять только не могу нашу публику: чѣмъ интересуются?.. Чѣмъ люди живы?..

Разговорились на эту тему и оказалось — впечатлѣніе отъ деревенской интеллигенціи у всѣхъ почти одинаковое. Какъ ни не хотѣлось въ этомъ признаться, а общій выводъ пришлось сдѣлать: дѣйствительно, наша интеллигенція въ деревнѣ совсѣмъ не подготовлена къ роли свѣточей въ народѣ, и не черезъ ея головы идетъ въ деревню сознательность, реакція на событія, различныя идеи, до кооперативныхъ включительно.

— Я много думала надъ этимъ, говоритъ Марія Сергѣевна. — И цѣлый рядъ причинъ откопала. Прежде всего предо мной стоялъ вопросъ: откуда она вышла, интеллигенція-то наша деревенская? Черезъ какое чистилище прошла? Гдѣ ея alma mater? Съ грустью пришла къ выводу, что сибирская средняя школа такъ-таки ничего абсолютно не даетъ. Въ Россіи — тоже не медъ. Но, видимо, тамъ отборъ-то естественный происходитъ, и среди людей въ футлярѣ находишь не мало живыхъ, огонькомъ заражающихъ. А въ Сибири на этотъ счетъ пока-что плохо дѣла обстоятъ. И выпускаетъ сибирская школа недоучекъ. Да это бы полбѣды: недоучка доучиться можетъ. Главное — людей, безъ живой души, безъ стремленій къ знанію, самообразованію. Пустоцвѣты какіе-то. И это—въ самые юные, лучшіе годы. А ужъ дальше — изъ этихъ пустоцвѣтовъ трудно бутоны выращивать.

— Дальше, курсы учительскіе, продолжала Марія Сергѣевна, — о нихъ въ Сибири и слыхомъ не слыхать. Въ Россіи — каждый

годъ учительство собирается на мѣсяцъ—два. Лучшіе педагоги, профессора ихъ обрабатываютъ... Что ни лекторъ на курсахъ, то бездна эрудиціи, вулканъ идей всякихъ. Зарядятъ они такимъ образомъ наше сельское учительство, разъѣдутся учителя и учительницы по домамъ, не до флирта, не до самогонки!.. Въ груди жжетъ, душа ширится, къ свѣту тянется, міръ обнять хочетъ!.. Книжки читаютъ, журналы выписываютъ, въ народъ спѣшатъ нести свои знанія... Горятъ люди!..

— Д-а-съ, горятъ!.. Заключилъ кооператоръ. — А у насъ... и не теплятся!..

3.

Дайте книгу!..

Заглядывая въ своихъ поѣздкахъ въ большія сибирскія села и въ маленькія, Богомъ и людьми забытыя, деревушки, въ разговорахъ съ мѣстной деревенской интеллигенціей, неизмѣнно наталкиваешься на одну и ту же жалобу:

— Нечего читать!.. Книгъ достать негдѣ... Что нашлось на мѣстѣ — все перечитали по нѣсколько разъ!.. Вотъ, иной разъ, въ городъ попадешь — посчастливится, и добудешь что-нибудь... А то такъ и уѣдешь, не достанешь, кромѣ газетъ, ничего!..

Большею частью, эти жалобы исходятъ отъ тѣхъ, кому, казалось бы, въ силу профессіональныхъ обязанностей, нужно читать больше, нежели другимъ, — отъ народныхъ учителей и учительницъ.

Большое село С. Недалеко отъ города Ачинска, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ тракта. Какъ будто — пути сообщенія позволяютъ пользоваться книгами изъ города. Но вотъ что говоритъ въ отвѣтъ на это предложеніе, мой собесѣдникъ — сельскій писарь, бывшій учитель, случайно принужденный отказаться отъ своей прежней дѣятельности:

— Вамъ, городскимъ людямъ, трудно даже

представить себѣ, сколько энергіи нужно потратить, чтобы добыть сюда книгу. Пріѣзжаю въ Ачинскъ. Записываюсь въ библіотеку. Годовая плата по первому разряду восемь рублей. Въ обезпеченіе потери книгъ нужно внести залогъ... А получаю всего двадцать пять рублей въ мѣсяцъ... Ну, какъ-нибудь, съ этимъ справишься... Опять новая бѣда — нужно не просрочить: если черезъ недѣлю не доставилъ, приходится платить штрафъ... А на штрафы на эти никакихъ моихъ сбереженій не хватитъ!..

— Зачѣмъ же штрафы платить? Доставляйте только аккуратно... Въ недѣлю-то успѣете прочесть книгу.

— Легко сказать—аккуратно доставляйте!.. А какими средствами доставить ее?.. Единственный исходъ — черезъ попутныхъ ямщиковъ. Но ямщики у насъ, сплошь и рядомъ, казенные-то бумаги теряютъ. А ужъ про книжку и говорить нечего: она у него недѣли три проваляется въ деревнѣ, да у его «дружка» въ городѣ столько же, пока удосужится обмѣнить, да опять такимъ же порядкомъ доставить... Кромѣ того, даромъ тоже не будутъ они возиться съ этимъ дѣломъ... Платить же за все — ей Богу, не изъ чего!..

— Ну, мы еще какъ нибудь все же устраиваемся, ближніе, — продолжалъ мой собесѣдникъ. — А вотъ одна моя знакомая учительница среди новоселовъ живетъ, въ тайгѣ. Тридцать верстъ отъ тракта ихъ отдѣляетъ, но эти тридцать верстъ такія, что и въ сутки ихъ не одолѣешь: не дорога, а такъ,—тропка какая-то лѣсная... Она, бѣдняга, изъ деревни

выбирается всего-то раза три въ годъ... Какъ она книгу достанетъ? Когда успѣетъ обмѣнить прочитанную?!..

...Вспоминаешь недавніе разговоры съ Маріей Сергѣевной, ея горячую отповѣдь деревенскому интеллигенту... Вспоминаешь, и думаешь:

— А вѣдь не такъ ужъ она и виновата наша деревенская интеллигенція: если и хочется ей, сидя въ этихъ медвѣжьихъ углахъ, пріобщиться къ культурѣ, то не всегда это легко!..

4.

„Вѣрую, Господи!..“

...Ѣдешь по необозримымъ сибирскимъ пространствамъ, наслушавшись всякихъ такихъ разговоровъ. Видишь, чувствуешь передъ собой необъятный сибирскій просторъ, и сердце сжимается при грустномъ сознаніи, что такъ мало еще сдѣлано. Сколько непочатой работы надъ удабриваніемъ тучной сибирской дѣвственной цѣлины!.. А разразившіяся міровыя событія усложнили эту работу, сдѣлали ее еще болѣе необходимой и настоятельной. И эти же событія убавили дѣлателей на нивѣ народной, которыхъ и безъ того не хватало. Теперь ихъ понадобится вдвое, втрое больше. И взять негдѣ... Тяжело, невыносимо тяжело отъ этого сознанія!..

...Колокольчики зазвенѣли, какъ будто сорвались и падаютъ. Кони понеслись во весь махъ. И отъ этого неожиданнаго порыва, въ вихрѣ головокружительной скачки по степи, сильнѣе забилось сердце. Бодрѣе заработала мысль, словно птица встрепенулась. Вспомнились слова стараго учителя:

— Толпа должна родить героя!..

Тяжесть душевная пропала, какъ-то разомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если новая жизнь, нарождающаяся въ деревнѣ въ мукахъ кровавыхъ кошмаровъ и потоковъ слезъ, новые

культурные и духовные ея запросы — не фикція, а истинное историческое новообразованіе, то властное требованія свѣта, знанія, лучшей осмысленной жизни, должны найти удовлетвореніе въ непреложной же формулѣ: «Толцыте — и отверзится»! Пусть наша деревенская интеллигенція въ большинствѣ своемъ не заражена еще священнымъ огнемъ истиннаго служенія народу. Но... народъ требуетъ!.. И интеллигенція должна будетъ отвѣтить. Эта физически здоровая, краснощекая сибирская интеллигенція, со здоровыми душевными эмоціями, не испорченная еще никчемностью, размагниченностью, разъѣдающимъ анализомъ интеллигентскаго безвременья, — эта интеллигенція найдетъ въ себѣ силы пойти навстрѣчу требованіямъ народа. Нуженъ ей только импульсъ, толчекъ. И толчекъ будетъ данъ самой жизнью, самимъ историческимъ моментомъ, властно требующимъ дѣланья. И еще подтолкнетъ ее властная потребность народа въ творчествѣ новыхъ формъ жизни, въ созданіи новыхъ культурныхъ цѣнностей!

Если народъ потребуетъ, если «толпа» захочетъ, то «герой» долженъ, обязательно долженъ, народиться. И наша деревенская интеллигенція, въ большинствѣ сама — плоть отъ плоти, кость отъ кости этого народа, должна будетъ преобразиться и стать «героемъ» обновленія народной жизни.

Такъ — должно быть. И такъ — будетъ.

САМОГОНКА.

Колокольчики монотонно вызываютъ какую-то сказку о далекомъ, бывшемъ, поросшемъ мохомъ страны. Шаркуны-бубенчики нѣжно вторятъ. Уходятъ вдаль лѣса, горы, пригорки, овраги. На смѣну имъ потянулись безконечныя степи. Какъ изъ подъ земли выростаетъ деревня. Кони усиливаютъ рысь и мчатся по широкой деревенской улицѣ галопомъ. За поскотиной рысь вновь выравнивается. И опять начинается смѣна картинъ: поле, лѣсъ, горы, бѣгутъ навстрѣчу ручьи...

Все движется, мѣняется, какъ въ колейдоскопѣ. Но впечатлѣнія отлагаются правильно: нѣтъ въ нихъ непонятной пестроты, нѣтъ утомленія ею. Вырисовываются гармоничныя очертанія грандіозной картины, писанной рукой великаго мастера, картины многокрасочной, необычайной красоты и дивной архитектоники. Все имѣетъ свой смыслъ и значеніе. Отдѣльныя части не случайны, сочетаются съ цѣлымъ, нужны ему этому цѣлому...

Встрѣчи, разговоры изъ разныхъ областей жизни деревни... И у разныхъ людей, по разному смотрящихъ на вещи, улавливается нѣчто

общее, цѣльное, составленное изъ дополняющихъ другъ друга элементовъ хаотической, на первый взглядъ, картины человѣческаго общежитія...

На земской встрѣтились съ акцизнымъ чиновникомъ. Интеллигентный, вдумчивый, не то, что называется «человѣкъ въ футлярѣ».

— Ироніей судьбы нашъ братъ-акцизникъ изъ распространителя пьянства превратился въ его врага. Ведемъ не на жизнь, а на смерть борьбу съ самосядкой!

— Успѣшно?

— Какъ Сизифъ!.. Да и попробуйте вы предпринять что-нибудь радикальное, когда поставленъ въ наши условія... Чтобы открыть «заводъ», мнѣ приходится не только подвергаться риску, но и раскошеливаться изъ собственныхъ средствъ. Не только дорожные расходы вести, но и заплатить надо человѣку, который изъ корысти укажетъ заводъ. Чтобы помогли намъ по идейнымъ соображеніямъ этого встрѣчать не приходилось. Арестуешь пять-шесть этихъ «заводовъ», а за это время появилось тридцать новыхъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ не было раньше и помимо о самосядкѣ, выучились ее выкуривать; цѣлое производство возникаетъ... И никакихъ силъ не хватитъ съ этимъ бороться!

— Ну, если эти средства борьбы не годятся, выдумайте другія.

— «Борьба съ тайнымъ винокуреніемъ», какъ она у насъ называется, по моему глубокому убѣжденію, вынесенному теперь и изъ опыта, должна вылиться въ другую форму. Нужно бороться съ потребностью пьян-

ства. Замѣнить водку и самосядку книгой, школой, разумными развлеченіями деревни, полезными знаніями... Здѣсь-то и зарыта собака!..

Говоритъ не теоретикъ, не «газетчикъ», далеко не «вольнодумецъ». Просто — интеллигентный человѣкъ, практикъ, силою вещей поставленный лицомъ къ лицу съ крестьянскою жизнью и потребностями деревни...

Другой, тоже интеллигентный собесѣдникъ, разсказываетъ:

— Пріѣхалъ въ эту деревню, на дачу, отдохнуть и отъ людей, и отъ волненій; отъ мыслей даже... Забрался въ глушь. Думалъ, что съ одними медвѣдями дѣло придется имѣть. И сразу же, сбацу, наталкиваюсь на прелюбопытное явленіе...

— Поѣхали въ лѣсъ, развели костеръ, грѣемся. На огонекъ подходитъ мальчикъ крестьянскій, этакій поросенокъ, лѣтъ одинадцати, отъ земли не видать. Видитъ — городскіе. Разговорились. Грамотей, школу нынче кончаетъ. И вотъ вамъ почти дословный нашъ съ нимъ діалогъ:

— А что насчетъ войны слышно? — спрашиваетъ.

— Да ничего, воюютъ... А ты знаешь съ кѣмъ воюемъ?

— Какъ не знать: съ Германіей, съ Австріей, да еще съ Турціей!

— Ну, а кто изъ нихъ главный-то врагъ?

— Конечно, германцы... Австрійцы—эти слабоваты... Ну, а ужъ турки-то лучше бы и не совались совсѣмъ! Этимъ достанется здо-

рово!.. А германецъ — силенъ, сразу не одолѣешь... Либаву, гытъ, взялъ, правда это, аль нѣтъ?..

— А что такое Либава, знаешь?

— Извѣстно — городъ... Говорятъ, большой, на самомъ морѣ стоитъ...

— И понимаете, — продолжаетъ мой собесѣдникъ, — все въ этомъ же родѣ. Выписываютъ они газету сообща, одну на всю деревню. И, видимо, газета эта штудируется деревней отъ доски до доски. Военныя извѣстія переживаются на всѣ лады. И, какъ можно судить по этому мальчику, переживаются осмысленно, съ толкомъ.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ, — вспоминаетъ онъ, — когда я былъ въ этой сибирской глуши, любимая поговорка у крестьянъ была: «родилась въ лѣсу, молимся колесу, а больше ничего мы не знаемъ»... А теперь вотъ, гдѣ-то подъ Саянами, въ глухой деревнѣ, одиннадцатилѣтній мальчикъ изволитъ съ такимъ знаніемъ дѣла трактовать о военныхъ событіяхъ... Конечно, деревня наша за это время далеко ушла впередъ, стала болѣе грамотна, болѣе понятлива, болѣе чутка. Больше проявляетъ жажду познанія къ тому, что дѣлается за ея околицей...

Ѣдемъ лѣскомъ. Остановили лошадей: поправить что-то понадобилось ямщику. На встрѣчу—мужичокъ съ возомъ. Поровнялся, остановился.

— Путемъ — дорогой!..

— Здравствуйте!

— Городскіе будете?

— Да, а что?

— Такъ... Почемъ въ городѣ хлѣбъ, не слыхать?

Это вопросъ «для предлога». Главный, постоянный, неизмѣнный вопросъ слѣдуетъ немедленно:

— А насчетъ войны какъ? Вамъ слышнѣе тамъ, въ городѣ.

Разсказалъ, что зналъ изъ послѣднихъ телеграммъ.

— Вотъ Италія-то наконецъ поднялась — это дѣло! Все легче будетъ. Теперь можетъ и другія государства поднимутся. Румынія, можетъ, соединится... Эхъ, и тяжелая же война нынче, страсть! И конца-краю не видно!.. Достается, тоже, нашимъ-то въ окопахъ: Прямо, мученики Христовы, можно сказать!.. Вотъ нашъ солдатикъ одинъ пріѣхалъ, раненый, разсказываетъ...

И дальше начинается одинъ изъ обычныхъ теперь разсказовъ объ ужасахъ войны.

— Какъ будемъ дальше жить, а?.. Вѣдь если и побьемъ Германію, такъ долго справляться нужно: расходы большіе, и народу поубавится рабочаго... Нужно безпремѣнно что-нибудь придумать!..

———

Пока деревня еще ничего не придумала. Ждетъ она, мучительно ждетъ, конца трагическихъ событій. Но всколыхнулась она вся, отъ мала до велика. Живетъ повышенной, нервной жизнью. Глубоко переживаетъ каждый отголосокъ міровыхъ событій, доходящій до ея слуха. И слухъ этотъ сталъ утонченнымъ, понятливымъ. Деревня стала глубже разсуждать, вдумчивѣе относиться къ тому, что дѣ-

лается за ея предѣлами. Ждетъ она новыхъ пѣсенъ, новой жизни, рвется къ ней всей душой. А пока нѣтъ этой новой жизни, пока тяжесть лежитъ на душѣ, — деревня гонитъ самосядку... Рвется простая деревенская душа къ свѣту. Но не брезжитъ онъ еще на горизонтѣ. И погружается эта душа во мракъ самосядочнаго завода... Но не совсѣмъ, не на всегда. Теперь это все же не главное, не этимъ занятъ крестьянскій умъ, не тяготѣніе къ пьянству его одолѣваетъ. Самосядка играетъ теперь большую роль лишь по привычкѣ, къ празднику или на «свадьбишкахъ», когда нужно пропить дѣвку». Надобится она и въ горькій часъ разставанья семей съ ратниками, уходящими на войну, новобранцу. Но центръ тяжести деревенскихъ вожделѣній, повторяю, далеко не здѣсь. Самосядка, — такъ, между прочимъ. Нѣтъ вѣдь ничего другого, что могло бы ее замѣнить, нѣтъ громоотвода опьяненія, и самосядка на этой почвѣ неизмѣнно появляется, какъ съ ней не борись. А деревня ищетъ этого «чего-то другого», и пока не находитъ. Да и не знаетъ еще она толкомъ, что же это «другое»... Ждетъ, съ глухими стенаніями, результатовъ войны. Въ нихъ она видитъ и залогъ новой жизни. Новая же жизнь, до выясненія этихъ результатовъ, рисуется деревнѣ въ очень туманныхъ, расплывчатыхъ очертаніяхъ...

Да и деревнѣ-ли только?!.

ЗОЛОТЫЯ ГОРЫ.

Минусинскій край — богатѣйшій въ Сибири. Подобно Алтаю, онъ давно приковалъ бъ себѣ вниманіе иностранцевъ. Часто, въ особенности лѣтомъ, вы видите на пароходѣ иностранныхъ инженеровъ, иногда цѣлыя экспедиціи, ѣдущія въ Минусинскъ съ цѣлью обслѣдованія богатствъ края. Русскіе предприниматели, къ сожалѣнію, мало принимаютъ участія въ этихъ экспедиціяхъ, что объясняется инертностью и консерватизмомъ отечественнаго капитала, все еще гоняющагося за чудовищнымъ процентомъ и боящагося всякаго новаторства и неизвѣстности результатовъ новаго дѣла. А между тѣмъ, когда проѣзжаешь по этимъ мѣстамъ, то и дѣло слышишь, что тамъ-то и тамъ-то открыты новыя залежи золота, свинца, серебра, мѣди. Но все это дѣлается случайно, неорганизованно, «на авоську». Гдѣ нибудь въ глухой деревушкѣ по Тубѣ крестьяне, открывши золото, намываютъ его первобытнымъ способомъ, открывъ тѣмъ самымъ для себя новый, ничтожный источникъ подсобнаго промысла, въ родѣ добычи пушнины или рыболовства, не сознавая, что подъ ихъ ногами кроются колоссальныя богатства.

«Наша земля велика и обильна», но безъ варяговъ и до сихъ поръ обойтись не можетъ.

Раньше роль этихъ варяговъ исполняли нѣмцы; теперь пошли въ моду англичане. Но такъ или иначе, а приходится намъ звать иныя, болѣе культурныя націи «править и владѣть нами»...

Мѣстный деревенскій торговецъ, изъ разбогатѣвшихъ крестьянъ, въ концѣ бесѣды, когда уже собирались «почаевавъ», уходить, вдругъ вновь усаживаетъ меня и съ таинственнымъ видомъ говоритъ:

— Погодите-ка минутку!.. Что-то я васъ хочу спросить, какъ посовѣтуете?!. Нашли здѣсь въ верстахъ пятнадцати отъ копей И., на томъ же самомъ хребтѣ, только съ другой стороны, золото. Да, кажется, попали на жилу, богатую. Теперь, компанія составилась, акціи продавали. Купилъ я одну за сотенную бумажку... Такъ вотъ не знаю — выйдетъ толкъ, аль нѣтъ?!.

— А кто входитъ въ эту компанію?

— Да такъ, все разные: Крестьяне тамошніе, да англичане. Я то — человѣкъ малограмотный, плохо въ этомъ дѣлѣ разбираюсь... А вотъ пріѣхалъ сюда англичанинъ, инженеръ. Не думаю, чтобы жуликъ какой, видать — человѣкъ положительный. Однихъ струментовъ у него съ собой на десять тысячъ рублей! Такіе мудреные струменты: возьметъ камень, чего-то сдѣлаетъ, приложитъ струментъ къ нему... А у струмента стрѣлка... Стрѣлка и показываетъ — есть золото, аль нѣтъ!..

— Такъ, значитъ, у васъ теперь образовалась компанія для разработки этого рудника?

Нѣтъ, только для развѣдки. Когда золото окажется — инженеръ поѣдетъ въ Англію

продавать прiйска... А тутъ рядомъ, оказалось еще серебро и мѣдь... Англичанинъ говоритъ, что мѣдь съ серебромъ продавать не слѣдъ — сами разрабатывать будемъ, баронъ на это денегъ дастъ...

— Какой баронъ?

— Да тамъ у нихъ же, въ Англiи, есть какой-то баронъ. Кто его знаетъ!..

— Ну, а не боитесь вы, что продадите прiиска на чечевичную похлебку?

— Да вотъ и смекаемъ — какъ тутъ быть-то?.. Кабы сами въ этомъ дѣлѣ могли разобраться! А то вѣдь приходится все изъ инженеровыхъ рукъ смотрѣть: что скажетъ, тому и вѣрь!..

Такимъ образомъ разсуждаетъ русскiй «акцiонеръ», можетъ быть въ будущемъ — многомиллiоннаго предпрiятiя...

И такъ — все. Можетъ-быть, — подъ руками неслыханныя богатства, а мѣстное населенiе не знаетъ даже съ какой стороны подойти, чтобы взять ихъ. И ломитъ ломовую работу, идя по линiи наибольшаго сопротивленiя. За примѣрами ходить недалеко. Вотъ заселенная мѣстность по линiи с. Абаканское и Минусинскъ. Все изрыто горами, ущельями и долинами между горъ. Лѣсу кругомъ на 70—100 верстъ нигдѣ нѣтъ. И все-таки, съ громадными трудностями и за дорогую плату приходится доставлять лѣсъ — изъ Тайги для построекъ. Кому это не подъ силу — устраивается просто въ соломенной или глинобитной постройкѣ. А рядомъ, около самой дороги — великолѣпный каменный матерiалъ для построекъ изъ горныхъ

породъ. Кое-кто изъ крестьянъ додумался уже устраивать изъ этихъ камней заплоты: навалитъ плоскіе камни одинъ на другой въ два ряда, подмажетъ съ боковъ глиной — и заплотъ, напоминающій своимъ видомъ древнюю городскую стѣну, готовъ.

Но до того, чтобы изъ этого же камня можно построить великолѣпные дома, которые обойдутся дешевле деревянныхъ, — не додумались. Когда я въ разговорѣ съ хозяиномъ земской квартиры, у котораго остановился, коснулся этого вопроса, онъ только руками развелъ:

— Вотъ поди-жъ ты!.. А почему не строить — сами не знаемъ!.. Мастеровъ, видно, такихъ нѣтъ!.. Да оно, конечно, и мастерства особаго нѣтъ: клади камень, клади кирпичъ, — онъ вѣдь плоскій, — да промазывай глиной, и готово!..

Кстати объ этомъ хозяинѣ земской квартиры. Это — богатый мужикъ, очень озабоченный соціальнымъ неустройствомъ крестьянина, «безтолковостью» крестьянской жизни.

— Я и земскую вотъ держу нарочно, для разговоровъ... Корысти мнѣ отъ нея не надо, и безъ земской есть чѣмъ заниматься... хозяйство большое... Да вотъ люди заѣзжаютъ... Которые образованные — поговорить интересно... Все-таки — разсужденіе имѣешь!..

— Гляжу я на нашего брата, мужика, и диву даюсь! Вотъ и я... богатый, говорятъ... А что толку? Копаюсь всю жизнь, какъ жукъ въ навозѣ, и никакой тебѣ радости, удовольствія не видишь... Въ городахъ люди жи-

вутъ... иной маленькое жалованье получаетъ, а живетъ хорошо и удовольствіе справляетъ... Да я еще что! Вотъ на другихъ посмотришь: прямо за какое-то наказаніе человѣкъ живетъ на свѣтѣ! И грязно, и бѣдно, и работаетъ, какъ волъ, и въ жизни ничего пріятнаго нѣтъ! Одно, бывало, для нихъ удовольствіе — водка. А теперь ея нѣтъ. Праздникъ придетъ, — и ходитъ мужикъ, самъ не знаетъ, чего хочетъ, какъ мухъ объѣлся!.. Главное — темная наша жизнь... Безъ образованія ничего въ толкъ не возьмешь!..

— Вотъ, можетъ, война что скажетъ! Можетъ послѣ войны, что-нибудь и для мужика новое будетъ... Водку теперь уничтожили: видно хотятъ мужиковъ въ порядокъ произвести. Давай Богъ!..

Войной онъ интересуется. Но газеты не выписываетъ — тоже не додумался! Питается слухами о войнѣ изъ вторыхъ и третьихъ источниковъ: отъ священника, или идетъ въ «канцелярію» (сельское правленіе) для «разсужденій» Не упускаетъ, конечно, случая поразспросить и у меня.

— Ну, а какъ съ войной дѣло? Чего наши у Кракова подѣлываютъ? Я такъ думаю, что теперя Краковъ нужно брать непремѣнно... А то, что-же дѣлать-то нашимъ войскамъ? вѣдь нуждаются безъ дѣла-то! Нужда заѣстъ, какъ дѣлать нечего, скука!.. Непремѣнно Краковъ нужно брать!..

— Силенъ все-таки ерманецъ-то?!.. Однако, теперя и съ нами воевать видно ему не очень въ охотку: трезвый народъ-то сталъ: Съ трезвымъ не такъ воевать, какъ съ

пьянымъ!.. Я смекаю, что если бы винополька была — ерманецъ давно бы въ гости къ намъ пожаловалъ!.. Ну, а теперь, братъ, тово шалишь!.. Нѣту ее, винопольки, и у насъ все въ порядкѣ!..

Старикъ говоритъ и говоритъ безъ умолку; радъ, что нашелся «образованный» собесѣдникъ для «разсужденія».

— У насъ тутъ такъ баютъ: быдто у ерманскаго царя три сына. Одного въ этой войнѣ убьютъ, другого ранятъ и возьмутъ наши въ плѣнъ. А третій сойдетъ съ ума. Тогда самъ ерманскій царь скроется насовсѣмь. Нигдѣ найти не смогутъ: ни въ водѣ, ни въ землѣ, ни въ горахъ, ни въ лѣсу. Тогда будетъ и войнѣ конецъ, и жисть новая настанетъ!.. Старики такъ сказывали... Правда это, аль нѣтъ?..

Долго еще мы бесѣдуемъ на разныя темы, и больше о войнѣ и «о жизни».

Наконецъ и спать пора.

И, во снѣ видятся военныя дѣйствія, слышатся крики, залпы, стоны. Все это смѣняется вдругъ громадными домами, построенными изъ чернаго камня, на подобіе тѣхъ великолѣпныхъ сооруженій, которыя понастроили культурные люди на Аландскихъ островахъ, баллюстрадами, каменными лѣстницами, ведущими отъ самаго моря до верха высокихъ горъ, на которыхъ опять высятся каменные дома затѣйливой архитектуры... На смѣну этимъ снамъ идутъ другіе... Снятся картины новой жизни богатаго края: работаютъ колоссальныя драги; горы прорѣзаны сѣтью желѣзныхъ дорогъ; подвѣшанные на

толстой проволокѣ громадные желѣзные мѣшки безшумно скользятъ отъ рудниковъ къ пристанямъ, станціямъ и обратно. Горы окутаны дымомъ фабричныхъ трубъ; всюду горитъ электричество; видятся сотни, тысячи, милліоны людей, занятыхъ, спѣшащихъ, добывающихъ несмѣтныя богатства... Гудятъ автомобили, катящіеся по ровнымъ, какъ стекло, дорогамъ, легко взвиваются на горы, перевозя пассажировъ отъ города къ городу, на мѣстахъ, которыхъ раньше были деревни, съ соломенными крышами и листвяжными домами...

. . . .

Когда проснулся, оказалось, что ночью забуранило и ямщикъ, предвидя тяжелую дорогу, перелаживаетъ покрѣпче завертки у кошевы...

ПО ВОЛЧЬИМЪ СЛѢДАМЪ.

Заходящее солнце золотитъ края горныхъ громадъ, вздымающихся по берегамъ Енисея. Покрытыя снѣгомъ верхушки ихъ похожи на тонкое фіолетовое кружево, нѣжно-розоваго оттѣнка, переливающееся въ отблескахъ солнца цвѣтами радуги. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Тихо, какъ около колыбели спящаго дитяти.

Вечерѣетъ...

Енисей еще не сталъ. По обѣимъ сторонамъ образовались забереги, изъ толстаго уже слоя льда. А по серединѣ рѣки идетъ мелкая «шуга», сало. Вчера по заберегамъ подъѣзжали на лошадяхъ до самой воды, а сегодня у береговъ образовались «наледъ»: вода аршина на полтора. И перебираться черезъ рѣку приходится съ большими трудностями: сперва отъ берега въ лодкѣ до забереговъ, потомъ лодку тащатъ волокомъ по льду, спускаютъ опять въ воду и, переправившись до забереговъ по ту сторону, этимъ же, т. е. обратнымъ порядкомъ, выбираются на берегъ, — волокутъ лодку, спускаютъ въ воду и плывутъ по наледи.

До сумерекъ часа полтора остается, а за это время нужно переправиться: въ темнотѣ не поплавятъ, ночуй на берегу. Лодка

съ той стороны еще не отчалила. Собравшіеся на берегу пассажиры и ямщики время отъ времени «ревутъ» на ту сторону:

Ло-о-од-ку!.. Ло-о-од-ку!..

Но дѣлается это безъ особеннаго нервничанья, нетерпѣнія: для порядку больше. Собрались вѣ люди дорожные, привычные, сибирскіе. А Сибирь пріучаетъ къ спокойно выжидательному состоянію. Да и увѣрены всѣ, что паромщикъ на этомъ берегу нечевать не оставитъ: хорошій заработокъ отъ такой переправы получаетъ. Завтра-же Енисей стать можетъ,—пропадетъ пятишница у паромщика!..

Курятъ, разговариваютъ.

Мѣстность кругомъ волчья, каждую зиму по эту сторону Енисея звѣри творятъ не мало бѣдъ: то волкъ въ деревню забѣжитъ, то стая полъ- стада овецъ вырѣжетъ, то на проѣзжаго ямщика кинется. Кругомъ на сотни верстъ въ окрестности, идутъ эти «волчьи» разговоры.

Ямщикъ, словоохотливый мужикъ, лѣтъ тридцати, какимъ-то случаемъ оставшійся отъ мобилизаціи, разсказываетъ:

— А нонись въ Анжарахъ, такой случай былъ. Забѣжалъ волкъ, бѣшеный, прямо въ домъ къ мужику... Покусалъ... Волка убили, а мужика отправили не то въ Самару, не то въ Саратовъ, на излѣченіе. Поправился мужикъ-отъ, ничего, не взбѣсилсяя... Прошелъ годъ. А нонче опять къ нему-же какъ нарочно, другой бѣшеный волкъ во дворъ бѣжалъ. И нужно грѣху тому быть, судьба такая видно у мужика-то, на роду написано. Бабу свою успѣлъ въ домъ пихнуть, заперлась. А

самъ схватилъ коромысло — волка тузитъ... Да не осилилъ: загрызъ волкъ-отъ мужика, — на смерть порѣшилъ...

— Которые не бѣшеные, — затягиваясь трубкой говоритъ другой ямщикъ, — тѣ на людей зря не бросятся, даже стаей. Хитрый звѣрь, смекаетъ, что оборона какая ни есть, опасная при себѣ у человѣка имѣется. А барашковъ давитъ на глазахъ, при людяхъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти... Лютой звѣрь!..

— Чего звѣрь?!.. Нонче, братъ, люди не хуже звѣрей управляются, — гооворитъ первый ямщикъ. — Позавчера, слышь, семью вырѣзали въ Каркайской деревнѣ, — слыхали небось.

Всѣ встрепенулись.

— Какъ семью?.. Кто? Не слыхали однако!..

Ямщикъ остановился, видя, что его извѣстіе — сенсація. Выбилъ трубку, засыпалъ вновь махорки, закурилъ, и сталъ со смакомъ разсказывать:

— Какъ-же, вырѣзали, до-чиста!.. Никому пощады не дали с..дѣти!.. Мужики-то, вишь-ты, почти всей деревней поуѣхали за сѣномъ... Да и какой теперь мужикъ въ деревнѣ остался: десятокъ мужиковъ уѣдутъ, бабы да ребята одни остаются... У Евстигнѣихи мужикъ тоже уѣхалъ. Осталась сама, да восемь человѣкъ ребятъ, малъ-мала меньше: старшему тринадцать годовъ всего, а младшій грудной, полугодовалый...

— Полегли спать, — продолжаетъ разсказчикъ. — Вдругъ слышатъ — стукъ въ избу. Свой, — думаютъ. Отперли. Входятъ

два мужика, высокіе, здоровые. Одинъ—черный и усы кверху. Другой — рыжій. Положилъ черный голицы на столъ, выхватилъ топоръ, да хватъ сперва топоромъ хозяйку; крикнуть не успѣла, тутъ-же скончалась. А потомъ началъ ребятъ крошить, всѣхъ до единаго, никому пощады не далъ... Одно слово — звѣрь человѣкъ!.. Грудного ребенка въ —зыбкѣ, того не пощадилъ!..

— Да какъ-же узнали объ этомъ?..

— А вотъ, слушай... Дѣвочка восьмилѣтняя подъ столъ забралась. Колонулъ онъ и ее, да видно легко. А она, даромъ, что ребенокъ, притаилась и видѣла все. Она-то и показываетъ, какъ дѣло было... забрали эти разбойники всего рублей двадцать, что-ль, да и ушли... Кровищи на нихъ было страсти Господни!.. Пока по задамъ до амбаровъ дошли, все кровяные слѣды виднѣются...

— А кто такіе, неизвѣстно?— Спрашиваетъ кто-то изъ слушающихъ..

— Да не здѣшніе, видно. Дѣвочка показываетъ, что не знаетъ въ лицо. Не видѣла раньше,. По разговорамъ-то выходитъ, будто одинъ изъ солдатъ... А кто-жъ ихъ знаетъ!.. Можетъ розыщутъ...

Всѣ слушаютъ разсказъ съ ужасомъ. Голова кружится отъ представленія этой кошмарной картины. Другой ямщикъ, сѣдой старикъ, сокрушенно качаетъ головой:

— Можетъ и изъ солдатъ!.. Ишь война-то нонѣ кроволивственная какая. Нанюхались тамъ кровищи, — вотъ она и мутитъ голову!.. Безпремѣнно изъ солдатъ...

Въ воздухѣ будто тяжесть какая нависла. Всѣмъ становится не по себѣ, послѣ этого разсказа. Мерещатся волки и люди, люди — волки...

Ямщика, разсказавшаго страшную исторію, засыпали вопросами.

Но нужно собираться переправляться черезъ Енисей: лодка причаливаетъ къ берегу. И трудность переправки на время отвлекаетъ отъ мыслей, навѣянныхъ кошмарной картиной...

Переправились на другой берегъ уже въ сумеркахъ. Отыскали лошадей и поѣхали по другой сторонѣ Енисея, по другой волчьей мѣстности.

И опять пошли разговоры о волкахъ, о людяхъ, о людяхъ — волкахъ...

———

ЛЕНОЧКА.

Кошева шуршитъ полозьями и пристукиваетъ по затвердѣвшему снѣгу. Колокольцы звенятъ гдѣ-то впереди, словно розыскивая дорогу. Кружится во мглѣ снѣгъ, подгоняемый сѣвернымъ вѣтромъ, «хіусомъ». Кажется, что вертишься на одномъ мѣстѣ или движешься совсѣмъ не туда, куда нужно, и не будетъ конца этому скучному, безцѣльному круженію, на морозѣ, въ непогоду.

Колокольчики присмирѣли, стали медленно, неувѣренно позвякивать, кошеву не толкаетъ въ стороны, ямщикъ не ухаетъ на ухабахъ: поднимаемся въ гору. Часъ, два, а можетъ быть и больше происходитъ это утомительное взбираніе на кручу, съ остановками для отдыха лошадей, для раскуриванія цигарки ямщика. Хіусъ подымается больше, мгла насѣдаетъ гуще. Снѣгъ кружится уже большими хлопьями, больно прижигая, вмѣстѣ съ вѣтромъ лицо. Незамѣтно заползаетъ въ душу страхъ: кажется, что погода разыграется въ бурю, буранъ, и не добраться будетъ до ночлега.

Вдругъ колокольчики повеселѣли, кошева заколыхалась сильнѣй и ровно заплясала, стремительно несясь внизъ, подъ гору, такъ быстро, что замираетъ сердце. Внизу подъ самой горой, блеснулъ огенекъ, другой, третій...

Чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ больше огоньковъ, и тѣмъ веселѣе становится на душѣ. Овладѣваетъ животная радость предчувствія близкаго тепла, свѣта, «самоварчика». Не хочется думать ни о чемъ другомъ, кромѣ этого близкаго тепла и свѣта.

Входимъ въ избу, облѣпленные снѣгомъ, косматые, похожіе на сказочныхъ колдуновъ или святочныхъ дѣдовъ.

Маленькая дѣвочка, лѣтъ пяти, съ ужасомъ шарахается въ сторону и отчаяннымъ голосомъ кричитъ:

— Ой, бабонька, боюсь!.. Страшные-то какіе!.. И ноги бѣлыя!.. Бо-о-о-оюсь, бабонька!..

Плачетъ. У меня на ногахъ туруханскіе «бакары», съ которыми дѣвочка долго не можетъ освоиться уже послѣ того, какъ раздѣвшись сидимъ за столомъ и пьемъ съ ямщикомъ чай. Постепенно ребенокъ смѣлѣетъ. Конфетка, случайно затерявшаяся въ карманѣ, растапливаетъ послѣдній ледъ и дѣвочка уже съ любопытствомъ щупаетъ и разсматриваетъ такъ вначалѣ ее напугавшіе бакары.

Бѣлокуренькая, хорошенькая головка. Славное, наивное дѣтское личико не по дѣтски иногда становится серьезнымъ, глазки-васильки перестаютъ смѣяться и чуется въ нихъ тревога, безпокойство.

Тятеньку не встрѣчалъ дорогой дядюшка?

И задавъ вопросъ, ребенокъ настораживается.

— Вотъ, ребенокъ малый, — говоритъ старуха-бабушка, — и то никакъ забыть не моможетъ: все тятеньку спрашиваетъ... Сына то моего, отца ейнаго, третьеводни угнали... Младшій давно служитъ, раненъ ужъ былъ... А теперь послѣдняго взяли!.. Оставили намъ со старикомъ сиротку: мать-отъ третій годъ померла.

Дѣвочка серьезно слушаетъ. Голубые глазки расширились. Присмирѣла.

— Ночью-то сегодня, — продолжаетъ старуха, — и ни вѣсть что съ ней, ангеломъ господнимъ приключилось. Отца, знать, во снѣ увидѣла. Обоснулась, да какъ закричитъ: «Ой, лихонько, бабонька, тошнехонько!.. Тятеньку то все везутъ въ солдаты, все везутъ!.. Закатилась, унять не можемъ. Дѣтская душа безгрѣшная, а такъ убивается по тятенькѣ... ужъ и любилъ онъ ее сиротушку сердечный! Душу въ нее клалъ какъ послѣ матери осталась. Одна и забота у него была, что Леночка. Куда ни поѣдетъ, а дочкѣ гостинецъ не забудетъ... Спать безъ него ни съ кѣмъ не ложилась... И вотъ взяли!..

Старуха разсказываетъ и всхлипываетъ. Дѣвочка все время напряженно слушаетъ и вдругъ, не по дѣтски серьезно начинаетъ утѣшать старуху, — тѣми же видимо словами утѣшенія, которыя для нея самой придумывались взрослыми:

— Ничего, бабонька, не плачь!.. Вернется тятенька скоро!.. И гостинцевъ привезетъ!... А спать я съ тобой пока буду... Тятенька пріѣдетъ — опять съ нимъ буду спать...

Старикъ-дѣдъ тоже не выдерживаетъ; тихонько смахиваетъ непослушную слезу, предательски выкатившуюся изъ подъ сѣдыхъ рѣсницъ...

...Хочется опять скорѣй на морозъ на вьюгу... Не смотрѣть, не слышать этого горя старыхъ и малыхъ, этихъ безхитростныхъ утѣшеній, этихъ широко-раскрытыхъ васильковыхъ глазъ, которые затуманиваетъ кошмаръ войны!.. Кажется, кто-то сжалъ сердце щемящими, раскаленными клещами и собирается его вырвать...

— Ѣдемъ, ямщикъ!..

Опять заколыхалась кошева навстрѣчу хіусу и непогодѣ. Опять завертѣлись снѣжныя пушнинки и залѣпляютъ глаза. Но теперь ихъ не видишь, не чувствуешь мороза и вѣтра. Мысли — не то остались позади, вмѣстѣ съ ребенкомъ и стариками, ни на минуту не забывающими кого-то очень близкаго, родного, не то съ нимъ, съ этимъ бородатымъ «тятенькой», одѣтымъ въ сѣрую солдатскую шинель... Можетъ быть онъ ѣдетъ вотъ также навстрѣчу мятели. Можетъ быть доѣхалъ, письмо своей Леночкѣ съ поклонами сочиняетъ. А можетъ быть и не Леночкѣ, а брата, что въ окопахъ, «извѣщаетъ»...

И вдругъ мысль перескакиваетъ... Колонна медленно, стройно движущихся людей, въ сѣрыхъ шинеляхъ, степенныхъ и бородатыхъ, задушевно-грустными голосами выводитъ:

... Вы придите,
Братцы, послужите
Надъ могилой надъ моей!..

Просятъ:

Вы по горшку сложитесь!..

Поется въ этой пѣснѣ, совсѣмъ на особенный ладъ и о Леночкѣ, и о «родителей» съ «родительницей».

Просто, безхитростно разсказываетъ пѣсня о великомъ горѣ разлуки, о сиротинкахъ, о страшной, всесокрушающей войнѣ.

А хiусъ крѣпнетъ. Мгла-чернота кругомъ.

... Гдѣ то было, можетъ быть будутъ, можетъ быть есть — свѣтъ, тепло, радость... Гдѣ-то, какiя-то дѣти съ «тятеньками» и «мамоньками» радостно лепечутъ вокругъ свѣтлыхъ, убрнаныхъ золотистой мишурой елокъ...

А Леночка въ тяжеломъ, кошмарномъ, недѣтскомъ снѣ видитъ отца и вскакивая, кричитъ:

— Ой лихонько, тошнехонько!.. Тятеньку-то все везутъ, все везутъ!..

МАТЕРИ.

„Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы:
То слезы бѣдныхъ матерей....
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей"....
(Некрасовъ).

Ужъ стемнѣло, когда мы подъѣзжали къ селу. Сзади и спереди по дорогѣ ѣдутъ крестьяне съ полей на телѣгахъ, съ свободными лошадьми на привязи. Откуда-то, со «свертка», полилась пѣсня. Черезъ нѣсколько минутъ насъ обогнала телѣга, на которой крестьянскія дѣвушки возвращались съ поля и пѣли. Пѣсня далеко разносилась по степи, разсказывая, въ мягкихъ переливахъ, о какой-то вчерашней радости, сегодняшней тоскѣ...

Сзади остались въ поляхъ сжатые тяжелые снопы, собранные въ «суслоны», говорившіе своимъ внушительнымъ видомъ объ урожайномъ годѣ, о радости крестьянина.

Ничто не говорило о войнѣ. Гдѣ-то тамъ, очень далеко, грохочутъ пушки, умираютъ люди...

А здѣсь — праздникъ урожая, труда, довольства.

Но это — казовое.

Крестьяне возвращаются домой молча, сосредоточенно. Не слышно шутокъ, веселья,

смѣха. И въ самой пѣснѣ, что такъ широко разлилась по полямъ, нѣтъ-нѣтъ, — да и оборвется голосъ какой-то пѣвуньи. Точно стекло разбитое прозвонитъ...

Нѣтъ въ пѣснѣ обычнаго задора, беззаботности. Можетъ быть хотѣлось, чтобы эту пѣсню послушалъ милый, который нѣсколько недѣль назадъ вотъ такъ-же возвращался съ поля вмѣстѣ со всѣми и слушалъ задорныя пѣсни... Но онъ теперь не услышитъ!.. Далеко, — охъ, какъ далеко онъ находится!

На войнѣ!..

«Война»!.. Это — у всѣхъ на устахъ, на умѣ. Говорятъ о войнѣ въ деревнѣ каждую свободную минуту. Ложатся спать въ разгорахъ о ней и встаютъ съ тѣми же разговорами. А если о ней не говорятъ, и ведутъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ, то все-таки мысль безконечное число разъ возвращается къ ней.

Заѣзжаго «городского» человѣка въ деревнѣ въ мигъ облѣпятъ разспросами. И только о войнѣ — другія темы мало интересуютъ. Слушаютъ изъ приличія и ждутъ не дождутся «военныхъ» разговоровъ.

Какъ ведется война? Съ кѣмъ? За что? Кто побѣждаетъ? Сколько убитыхъ и раненыхъ?

Вотъ вопросы, на которые направо и налѣво долженъ отвѣчать «городской» человѣкъ.

Для всѣхъ это — не праздные вопросы. Не простое любопытство. Это — кровное. У однихъ на войну взятъ сынъ, у другихъ — братъ, отецъ, мужъ, товарищъ, женихъ, или просто «нашъ»...

———

Мы сидимъ въ большой чистой комнатѣ старожильческаго дома. Пьемъ чай и, конечно, бесѣдуемъ о войнѣ.

— Ужъ вы разскажите, господинъ, какъ слѣдуетъ, толкомъ — въ чемъ тутъ теперь дѣло. Доходятъ до насъ и телеграмки; разбираемся, да понять трудно: чья одолѣваетъ? У меня вотъ братанъ взятъ на войну... И гдѣ теперь, — не знаемъ!..

Говоритъ пожилой мужикъ, хозяинъ дома, подсаживаясь поближе, чтобы «не упустить какого слова».

Пока разсказываю «о войнѣ», комната незамѣтно наполняется новыми слушателями: вошла жена взятаго на войну «братана» и пытливо вслушивается въ разговоры; вошли сестры, двѣ молодыя дѣвушки и одна подростокъ; отецъ, бодрый еще старикъ. Всѣ напряженно-внимательно слушаютъ, прерываютъ порой вопросами, радостными восклицаніями, когда рѣчь идетъ о русскихъ побѣдахъ.

Только мать ушедшаго на войну запасного, какъ-то безучастно относится. Молчитъ. Сосредоточенно хлопочетъ у стола, разливаетъ чай. Губы плотно сжаты, смотритъ въ сторону, въ одну точку, будто занята одной мыслью, одной думой и ни до чего другого ей нѣтъ дѣла. Порой, вдругъ, ненарокомъ, обронитъ вопросъ:

— А вы не знаете, гдѣ этотъ полкъ-то, въ которомъ Ванюшка тамъ служитъ?..

Я слышалъ, — гдѣ этотъ полкъ. Но боюсь сказать ей. Вѣдь она — вся мыслью и душой въ этомъ полку, тамъ, рядомъ съ Ванюшкой...

И боится, боится она этой нѣмецкой пушки;

больше, чѣмъ ея Ванюшка, больше чѣмъ тысячи Ванюшекъ вмѣстѣ!..

Понемногу всѣ расходятся. Остается въ комнатѣ одна мать Ванюшки. Она кружится какъ-то по комнатѣ, дѣлаетъ видъ, что прибираетъ. Задаетъ незначущіе, посторонніе вопросы... Потомъ не выдерживаетъ. Садится рядомъ со мной на лавку и съ глазами полными слезъ, шепоткомъ говоритъ:

— Неужто убьютъ Ванюшку?!. Господи!.. Только вѣдь и думушки о немъ, желанномъ! На ребятъ его, внучатъ-то моихъ, глядѣть не могу отъ жалости... Сердце все кровью обливается!.. Сама убѣчь хочу къ нему... И ночью, во снѣ все его вижу... Хозяйство у насъ хорошее, урожай нынче Богъ далъ... А Ванюшку взяли!.. Любимый вѣдь онъ у меня изо всѣхъ, покорный, ласковый!..

И не можетъ старуха дальше говорить.

Облокотилась на столъ, задрожали плечи, и по старому морщинистому лицу полились слезы... Плачетъ тихо, шепоткомъ, чтобы въ другой комнатѣ не слышали...

Успокоилась немножко, разсказываетъ:

— Письмо недавно получили отъ него: бумага-то смертная! Двоихъ нашихъ деревенскихъ, пишетъ, ужъ убили... Вмѣстѣ съ нимъ служили... Пишетъ — бьемъ нѣмцевъ... А мнѣ-то, главное, его бы, соколика, самого не убили!.. И жить безъ него нельзя будетъ!.. И не пережить мнѣ, если его убьютъ!..

И опять плачетъ и плачетъ старуха...

Рано утромъ собираемся уѣзжать.

Старуха хозяйничаетъ за столомъ, дѣлаетъ все «въ порядкѣ», — моетъ посуду, разливаетъ чай, говоритъ о постороннемъ... А глаза все глядятъ въ одну точку, мысль гдѣ-то далеко. Передъ глазами у нея Ванюшка. Живой Ванюшка, не въ военномъ мундирѣ, а въ деревенской простой рубахѣ, сидитъ вотъ тутъ-же за столомъ, или управляется по хозяйству, ласкаетъ ребятъ, привозитъ старухѣ-матери гостинецъ изъ города...

Говоритъ съ нами старуха, отвѣчаетъ на вопросы, а насъ не видитъ.

Выѣхали изъ деревни. Поѣхали опять полями, по которымъ безконечными рядами тянутся грузные суслоны хлѣба. Дальше деревня. За ней другая, и опять, опять деревня, деревня...

А во всѣхъ этихъ деревняхъ живутъ старухи-матери. И думаютъ они думу-думскую о своихъ «Ванюшкахъ». И плачутъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу горючими слезами. И смотрятъ въ одну точку при людяхъ, не видя людей, отвѣчаютъ, не слыша вопросовъ. И слѣпнутъ ихъ старые глаза отъ слезъ, которыхъ — рѣченька бездонна!..

Бѣдныя матери! Дай Богъ вновь увидать вамъ своихъ «Ванюшекъ» цѣлыми и невредными! Не будетъ тогда предѣловъ вашей радости, вашему счастью!..

ЗА ГРАНИЦУ!

Передъ отъѣздомъ изъ Сибири заграницу, многіе друзья и знакомые по адресу моему, а главное жены говорили:

— Счастливцы!.. Попадете заграницу, будете жить здоровой человѣческой жизнью, въ культурной обстановкѣ!..

Выяснивъ заранѣе условія существованія русскихъ за границей за послѣднее время, приходилось въ отвѣтъ на такія заявленія угрюмо буркать:

— Не завидуйте!.. Если бы не дѣло, такъ сейчасъ ѣхать заграницу и вамъ не особенно совѣтовалъ бы!..

Но наивные люди просто не вѣрили. Между тѣмъ, со времени заключенія Брестскаго мира, заграницей, въ особенности въ тѣхъ странахъ, куда мы собирались ѣхать, создалось крайне нетерпимое отношеніе къ русскимъ. Газеты сообщали, что въ одномъ случаѣ русскаго либерала-депутата попросили удалиться изъ собранія, въ другомъ—публика покидала рестораны и трамваи при появленіи русскихъ, въ третьемъ — выселяли русскихъ изъ квартиръ и т. п. Это было вполнѣ понятно. На русскихъ союзники, послѣ Бреста, стали смотрѣть какъ на предателей, измѣнниковъ, людей нечестныхъ, которымъ нельзя довѣряться и съ которыми «порядочнымъ людямъ» нельзя имѣть

никакого дѣла, на солво и порядочность которыхъ нельзя полагаться. Въ силу этого, положенiе русскихъ заграницей, въ простыхъ обывательскихъ сношенiяхъ съ публикой, стало невыносимо-тяжелымъ.

На прощальномъ собранiи товарищи желали «добраго пути, счастливаго пути, успѣшной работы». Но одинъ изъ нихъ держалъ «рѣчь» совсѣмъ особую:

— Вы появитесь заграницей съ позорной печатью русскаго, то есть предателя... Трудно вамъ тамъ будетъ! . Старайтесь своей работой, работой коопераціи, смыть эту печать!.. Однако не завидую!.. Желаю силъ все перенести...

. . . .

. . . .

Третій звонокъ. Замелькали шляпы, платки, руки. Все дальше и дальше остаются провожающіе товарищи со своими «счастливыми» пожеланіями. Вотъ уже не видать этихъ милыхъ и дорогихъ сердцу людей, съ которыми пережито столько горестныхъ разочарованій и счастливыхъ минутъ удачъ на поверхности безбрежнаго моря кооперативнаго строителства. Увидимся или нѣтъ — неизвѣстно. Живы будемъ — обязательно увидимся. Но кто и что теперь можетъ предсказать о завтрашнемъ днѣ?!..

Пока — прощай Сибирь!.. Нѣтъ! «До свиданья!..»

Если суждены еще свиданія съ прошлымъ, то первое изъ нихъ съ Сибирью, своей второй родиной, съ ея безбрежными пространствами, непроходимой тайгой, безконечными и ровными,

какъ стекло, широкими «трактами», съ великанами - горами, бурными горными рѣчками, красавицей Ангарой, старикомъ Енисеемъ, гордымъ Иртышомъ и сонливой Обью, необъятнымъ Амуромъ и пробирающимся по тайгамъ, точно «варнакъ» — Чулымомъ. Съ Сибирской здоровой, тѣломъ и духомъ, деревней, сибирскимъ ямщикомъ, крестьяниномъ «артельщикомъ», — со всѣмъ этимъ особеннымъ, бодрымъ, работающимъ и сильнымъ укладомъ жизни, который таитъ въ себѣ вѣрныя возможности къ прогрессу, развитію, стойкости въ борьбѣ за существованіе... Всему—только «до свиданія»!. Если суждено жить и дальше, то гдѣ бы не пришлось «мыкаться по свѣту», а умирать — въ Сибири!.. Это первая мечта, нарождающаяся тотчасъ же послѣ третьяго звонка, который сейчасъ погналъ изъ этой Сибири, для работы вмѣстѣ съ нею и для нея...

А пока что, въ Сибири все ликвидировано. Дѣла сданы, вещи распроданы и все «имущество» размѣстилось на полкахъ вагона: жена, ребенокъ, «самъ третій», да пары двѣ чемодановъ. Въ двухъ изъ нихъ конспиративно запрятанъ пудъ муки, да и все остальное содержимое, — что нибудь, главнымъ образомъ, изъ съѣстного: немножко для себя, немножко для ребенка. Вѣдь ѣдемъ пока-что, до границы, въ голодающій Петроградъ и Москву. По самымъ радужнымъ подсчетамъ — раньше мѣсяца заграницу не выбраться...

По пути, въ разговорахъ, у сосѣдей-пассажировъ, когда узнаютъ, что ѣдемъ заграницу, вырывается то же самое стереотипное:

— Вотъ счастливцы!..

Эти вѣчныя напутствія, начинаютъ раздражать. Думаешь съ ожесточеніемъ: «Язвило бы Васъ, завидущихъ! Попробовали бы сами поѣхать, — вотъ такъ, съ семействомъ, въ теперешнее время! Узнали бы Кузькину мать!.. Если одного изъ квартиры выгонятъ за то, что «русскій» еще съ полъ-бѣды... А вотъ съ ребенкнмъ — такъ запоешь!.. Да и вообще!..

Вообще на очереди стоитъ трудная задача. Не говоря о дѣловой сторонѣ, нужно, какъ-никакъ, перескочить черезъ огненную лаву войны, черезъ «красный» Петроградъ, окруженный чернымъ нѣмецкимъ кольцомъ, и попасть къ тѣмъ, кого нѣмцы и послушные имъ тепе-решніе правители Россіи ненавидятъ всей душой — англичанамъ. Главное — преодолѣть трудности перѣезда, формальности, осилить пространство, отдѣляющее теперь одно государство отъ другого почти непроходимой пропастью, а тамъ, вмѣстѣ... будь что будетъ!.. Впрочемъ — сильно предаваться сомнѣніямъ вѣчному бродягѣ-кооператору не приходится: «не-впервой»!..

Однако, хотя и «не-впервой», но тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву выяснилось, что трудности по переѣзду — почти непреодолимыя.

Задача стоявшая передъ нами, въ смыслѣ переѣзда заграницу, распадалась на двѣ части: во первыхъ нужно было исхлопотать разрѣшеніе на выѣздъ и паспорта у русскихъ властей, а затѣмъ — добыть визу, т. е. получить разрѣшеніе отъ властей заграничныхъ на проѣздъ черезъ различныя государства, остановки въ нихъ или постоянное жительство. Затрудненіе осложнилось еще тѣмъ, что въ моментъ,

когда начинаешь хлопоты — не знаешь точно — черезъ какія-же страны придется ѣхать? Внѣшняя политическая обстановка все время мѣняется: сегодня слышишь, что англичане ѣдутъ только черезъ Архангельскъ. Завтра пароходное сообщеніе черезъ Архангельскъ отмѣняется; оказывается, что можно прямо изъ Петрограда проѣхать черезъ Стокгольмъ. Вдругъ — рейсы на Стокгольмъ прекратились и ждутъ открытія финляндской границы. Но финляндская граница, которая должна быть открыта «черезъ нѣсколько дней» — не открывается нѣсколько мѣсяцевъ... Была надежда на Мурманъ. Но... съ Мурманомъ случилось то-же, что-то неладное: отправляются на Мурманъ, слышно, совѣтскіе войска для войны съ англичанами! Будто бы туда прошли и нѣмецкія войска, будто бы уже идутъ сраженія. Потомъ оказывается, что это все — слухи, вѣрнаго ничего нѣтъ, а все же Мурманская граница остается закрытой...

Выходитъ такъ: будешь оріентироваться (выражаясь по модному) на мурманскую границу, проведешь времени въ хлопотахъ, — анъ окажется, что туда не попадешь и нужно снова начинать хлопоты на Архангельскъ. Выхлопочешь на Архангельскъ, вдругъ совѣтская власть объявила войну Архангельскому совдепу, «предавшемуся» на сторону англичанъ и въ Архангельскъ уже не проскочишь. Понадѣешься на Бѣлоостровъ (финляндская граница), но... «мирные переговоры» съ финляндско-нѣмецкой державой у совѣтскаго правительства все еще не могутъ наладиться; опять снова хлопочи! А хлопоты не маленькія.

Товарищъ В. А. М., который выѣхалъ изъ Сибири нѣсколькими недѣлями раньше и по моимъ расчетамъ долженъ быть уже заграницей, къ нашему пріѣзду оказался въ Москвѣ.

— Въ чемъ дѣло? Отчего не выѣзжаете заграницу?

— Да все еще паспорта получить не могу, — говоритъ. — Думаете, что это легкое дѣло!.. При Николаѣ такихъ трудностей не было!.. Такая канитель, такая канитель, что не приведи Богъ... Вотъ поживите, похлопочите, увидите...

. . . .

ЗА РУБЕЖОМЪ.

Швеція страна фіордовъ, каменныхъ горъ и. неруковорный памятникъ человѣческихъ достиженій въ борьбѣ съ суровой природой. Кругомъ былъ дикій камень. Пришелъ человѣкъ и началъ приспособлять этотъ камень для улучшенія своего существованія. Сталъ взрывать каменныя громады, обтесывать и складывать, по своему человѣческому разумѣнію, глыбы. И изъ подъ искустныхъ рукъ человѣка сталъ появляться камень преображенный въ прекрасной архитектуры дома, дворцы, башни, террасы, набережныя, шоссе, баллюстрады, лѣсенки и лѣстницы, ведущія отъ морскихъ береговъ къ роскошнымъ каменнымъ вилламъ на вершинахъ горъ... Всюду камень, камень и камень!.. Но камень одухотворенный дѣятельностью человѣка. Камень въ видѣ художественныхъ произведеній, являющихся сотрудничествомъ напряженнаго мускульнаго труда человѣка съ его художественнымъ и творческимъ геніемъ!.. И если что составляетъ гордость шведовъ, то не столько разсказы о викингахъ, художественныя саги прошлаго, не столько ихъ настоящая промышленность и торговля, даже не литература, а вотъ этотъ результатъ преображеній суровыхъ каменныхъ великановъ въ

прекрасныя произведенія искусства, покореніе подъ нози Владыки Міра — человѣка самаго суроваго естества природы — камня. И среди этого каменнаго моря — на каждомъ шагу оазисы садовъ, парковъ, луговъ, заботливо охраняемыхъ или обрабатываемыхъ человѣкомъ.

Швеція страна небольшая. Но почти каждая пядь земли — не въ забросѣ, не въ загонѣ, а старательно приспособлена для удобствъ человѣческаго существованія. Почти всякій выступъ—использованъ. Каждый аршинъ земли, какимъ то чудомъ появившійся на каменной горѣ — бережно охраненъ, засаженъ, любовно воздѣлывается. Есть чему позавидовать и эта зависть, — не къ «дареному коню», которому обычно въ зубы не смотрятъ! Можно завидовать настойчивости, умѣнью трудиться, умѣнью не потратить своихъ силъ попусту, а всѣ ихъ использовать на отвоеваніе отъ суровой природы всего, что могъ примать человѣческій геній.

Отъ самой Финляндіи, двоюродной сестры Швеціи, пароходъ идетъ шхерами (каменные острова) и фіордами (озера-заливы, отвѣтвляющіеся отъ большихъ морскихъ заливовъ). Въ Финляндіи природа болѣе суровая, и болѣе дикая. Но и здѣсь уже чувствуется вездѣ и всюду рука трудолюбиваго финна, который цѣлыя поколѣнія ведетъ ожесточенную борьбу съ камнемъ и добился того, что хлѣбъ свой добываетъ почти на сплошномъ камнѣ, на верхнемъ его слоѣ, не столько напоминающемъ землю, сколько намекъ на нее. По всѣмъ финскимъ шхерамъ разсыпаны домики-хуторки

финскаго крестьянина. Снаружи — простая незатѣйливая архитектура. Чистота, чувствуется заботливая рука, во-время красящая крышу, во-время подновляющая всякую дощечку. Кругомъ — карликовые луга, пашни, огороды. Когда пароходъ попадаетъ въ узкій фіордъ и проходитъ почти мимо самихъ домиковъ — извнутри глядятъ чистенькій, свѣтлыя, словно смѣющіяся комнатки, тоже дѣвственно-простыя, покрытыя не то бѣлой краской, не то свѣтлыми обоями. Обстановки не видно. Но обязательно висящія на каждомъ окошкѣ бѣлыя какъ снѣгъ занавѣски говорятъ, что внутри тоже должно быть все чисто и радостно. Чувствуется за этими занавѣсками много воздуха и свѣта, въ которомъ отдыхаетъ и радуется незатѣйливому уюту душа труженника...

Въ Швецію, посреди этихъ фіордовъ, между острововъ и шхеръ, въѣзжаешь незамѣтно. И еще менѣе замѣтно попадаешь въ столицу — Стокгольмъ. Далеко отъ города тянутся сплошь заселенные шхеры, — гдѣ баллюстрады, лѣсенки, каменныя загражденія съ моря, дома, виллы, башенки и башни, причудливо оплетены зелеными шатрами растительности. Продвигаясь все дальше и дальше, по фіордамъ, — между этими не то дачами, не то городками, не то кокетливыми замками, — попадаешь вдругъ на рейдъ города Стокгольма. И сразу взору открывается живописная панорама города, впечатлѣніе отъ которой остается то же: камень, художество, трудъ, человѣческое творчество, покореніе природы, и опять, опять покореніе камня!..

Мы были на одномъ громадномъ заводѣ, гдѣ выдѣлываются извѣстные и у насъ въ Сибири молочные сепараторы.

Заводъ — въ нѣсколько этажей вышиной, выходъ на нѣсколько улицъ. Цѣлый громадный промышленный городъ. Весь онъ сотрясается отъ воя, рычанья, рявканья машинъ. Рабочихъ много, но еще, кажется, больше машинъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, напримѣръ механическомъ, приходилось наблюдать нѣсколько, стоящихъ подъ рядъ, самой сложной конструкціи машинъ, выбрасывающихъ чрезвычайно тонко отдѣланныя отдѣльныя стальныя части сепаратора, машинъ, внутри которыхъ буквально льется дождь масла, обильно поливающаго кружащіяся какія-то сверла, ножи, зубчатки и проч. И около этихъ машинъ, — ни одного человѣка рабочаго. Вѣрнѣе — за каждой изъ нихъ рабочіе смотрятъ, но машины работаютъ автоматически. Это — уже достиженіе всечеловѣческаго мірового генія, и шведскій народъ внесъ сюда только свою крупицу культурныхъ достиженій.

Покореніе же к а м н я — національное творчество Скандинавскаго генія...

Война обошла шведовъ кругомъ, но мало задѣла. И сейчасъ Швеція представляетъ изъ себя оазисъ, гдѣ міровая катастрофа, изъ которой большинство народовъ выходитъ съ зіяющими ранами, съ ужасными воспоминаніями, а нѣкоторыя, какъ Россія, — съ несмываемымъ позоромъ, въ качествѣ вычеркнутой изъ списка великихъ державъ страны, искалѣченной и раззоренной, — эта катастрофа — война прошла мимо Швеціи. Правда — хлѣбъ

выдаютъ по карточкамъ. Правда — нѣтъ молока, масла, оскудѣніе въ отношеніи многихъ припасовъ, дороговизна, и прочіе спутники міровой войны, которыя не могли слегка не задѣть Швецію. Но — только слегка. Взять хотя бы дороговизну. Съ русской точки зрѣнія — здѣсь она ужасная. Но это — въ переводѣ на курсъ. Если раньше за нашъ рубль давали двѣ кроны, а теперь за одну крону спрашиваютъ два съ полтиной, три рубля пятьдесятъ—конечно дорого. Но въ общемъ, считая на самыя кроны, безъ сравненія съ рублями, дороговизна невелика — цѣны возросли вдвое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ втрое и не больше. И эту дороговизну перенести шведу конечно не то, что напримѣръ русскому, въ особенности Петроградцу, который не можетъ сейчасъ за двадцать пять рублей достать одного фунта муки. И если хлѣбъ выдаютъ по карточкамъ, то все же — приходится по полфунта на человѣка. «Хвостовъ» Швеція еще не знаетъ. Населеніе все цѣло. Силы на войнѣ не растрачены. Всякій занимается тѣмъ дѣломъ, которымъ и раньше занимался. И шведскій рабочій, выйдя съ фабрики, сбрасываетъ засаленный фабричный халатъ, переодѣвается въ цивильный костюмъ, крахмальное бѣлье, одѣваетъ шляпу и идетъ въ садъ, ресторанъ и проч., какъ ни въ чемъ не бывало. По россійскому выходитъ, что его отъ «буржуя» не отличишь! Но это — характерное для всѣхъ европейскихъ народовъ явленіе: и крестьянинъ и рабочій, послѣ тяжелаго своего труда, стараются использовать всѣ блага цивилизаціи, чувствуютъ себя вполнѣ полноправ-

нымъ гражданиномъ, и «въ люди» не показываются безъ крахмальнаго бѣлья, шляпы или котелка, и вообще цивильной наружности.

Въ праздничный день, громадныя толпы отдыхающихъ людей, большинство которыхъ тѣ же рабочіе, мелкіе чиновники, конторщики, направляются съ семействами къ пристанямъ. Тамъ — десятки пароходовъ ежечасно развозящихъ по шхерамъ. Наполненные отдыхающимъ отъ недѣльной работы человѣческимъ «грузомъ», пароходы развозятъ публику по островамъ. Всѣ устремляются въ рестораны, на лужайки, располагаются на камняхъ со своей закуской таборами, а вечеромъ устраиваются танцы. Къ ночи тѣ же пароходы развозятъ публику по домамъ на недѣльный трудъ...

...Когда смотришь на всю эту шумливую, вольготную жизнь — не можешь не чувствовать себя русскимъ, не можешь забыться. Но тяжелыя чувства, которыми наполненъ каждую минуту гражданинъ когда-то великой Россіи, теперь опозоренный и уничтоженный, у живого человѣка не могутъ не смѣняться надеждами, особенно — у сибиряка. Россія, правда, раздавлена, принижена, расхищена. Но на востокѣ живетъ великій сибирскій народъ.

Сибирь еще не умерла. Сибирь такая громадная, такая богатая, такъ много обѣщающая отдать человѣчеству отъ своихъ нѣдръ — даетъ надежду и на возрожденіе Великой Россіи. Сибирь — тоже страна суровой природы. И Сибирь, тоже, даромъ своихъ богатствъ не отдастъ. Она ждетъ богатырая человѣка, который долженъ покорить ея царственную

природу. Она ждетъ не того слабаго, въ которому воззвали неудачные строители, вѣрнѣе — раззорители земли русской. Не того слабаго, который ухватился за лозунгъ — «хватай, грабь, тащи, даромъ досталось!»... Этотъ слабый — рабъ, который погибнетъ въ погонѣ за даровымъ богатствомъ. Она ждетъ Сильнаго, имя которому «Трудъ». Этотъ Трудъ покоритъ дѣвственную Сибирь. И только этому Сильному раскроетъ Сибирь свои объятія. Только Сильнаго, только Трудъ, полюбитъ Сибирь, и только ему она покорится!..

И хочется вѣрить, вѣрится, что этимъ Сильнымъ будетъ нашъ сибирскій народъ. Народъ, поднимающій жирную сибирскую цѣлину, корчующій пни столѣтнихъ деревьевъ, борющійся съ зимней стужей, не боящійся тучъ мошкары, волковъ и медвѣдей, любящій сибирскую темную тайгу и морозную сибирскую ночь, въ которую онъ гонитъ пару своихъ замухрышекъ бѣгунцовъ-лошадей...

Этому народу нужно многому еще научиться. Много положить труда.

И онъ научится, и трудовъ онъ не пожалѣетъ. И камень побѣдитъ. И промышленность заведетъ, и земледѣліе улучшитъ и скотоводство приведетъ въ порядокъ, и институты, университеты построитъ, и школы откроетъ въ каждой захолустной деревнѣ, и электричество используетъ, и желѣзныхъ дорогъ понадѣлаетъ!.. Все свершитъ великій сибирскій народъ, и поможетъ выбраться изъ бѣды-кабалы матери своей — Великой Россіи!..

— Вотъ что хочется крикнуть Вамъ изъ за заморскихъ странъ, братья-сибиряки!..

